

СЕКТЫ ИСЛАМА, ОБРАЗОВАВШИЯСЯ ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

Въ первое столѣтіе своего существованія исламъ наиболее быстро и успѣшно распространялся къ западу отъ пункта своего первоначальнаго возникновенія. Весь сѣверъ Африки отъ Аравійскаго залива до Атлантическаго океана воспринялъ проповѣдь корана. Знамя ислама поднялось къ сѣверу. Мусульманское владычество утвердилось въ Испаніи, перешло Пиринеи. Но здѣсь ровно черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Магомета завоевательное движеніе ислама было остановлено мечемъ Карла Мартелла. Далѣе оно не двинулось. Исламъ здѣсь проповѣдывался мечемъ, и мечемъ была остановлена его проповѣдь. Совершалось поступательное движеніе ислама и на востокъ отъ Медины и Мекки, и тамъ мечъ игралъ большую роль. Но вмѣстѣ съ тѣмъ идеи ислама профильтровывались тамъ въ туземныя вѣрованія и мирнымъ образомъ. И воинственное и мирное движеніе ислама на востокъ совершалось однако гораздо медленнѣе, чѣмъ на западъ. Если мусульманамъ потребовалось менѣе столѣтій для того, чтобы пройти огромный путь отъ Мекки до Гибралтара, то имъ нужно было около четырехъ столѣтій для того, чтобы дойти отъ Мекки до Лагора и основать свое владычество въ области Пенджаба, сѣверозападномъ углу Индіи.

Исламъ началъ распространяться здѣсь и вмѣстѣ съ тѣмъ вступилъ въ борьбу съ туземными вѣрованіями съ XI столѣтія. Уже ранѣе исламъ въ восточной области занимаемой имъ территоріи подвергся вліянію индійскихъ религій, это сказалось на суфитскихъ вѣрованіяхъ, теперь онъ самъ долженъ былъ повліять на вѣрованія индусовъ. Какъ результатъ вліянія ислама на индуизмъ къ началу новаго времени

и въ новое время явились секты, о которыхъ бесполезно спорить, должны ли онѣ быть названы сектами ислама, браманизма или буддизма. Онѣ вообще представляютъ собою образецъ религіознаго синкретизма. Сектами, какой бы то ни было религіи, конечно, должны быть называемы ученія, развившіяся на ея почвѣ и представляющія собою большее или меньшее отступленіе отъ ея принциповъ, но сектами религіи не могутъ быть называемы ученія, возникшія въ лонѣ другой религіи подъ вліяніемъ первой и представляющія собою по отношенію къ первой не отступленіе, а приближеніе. Вотъ почему исламъ не долженъ быть называемъ христіанскою сектою, хотя его и называли такъ и сближали съ аріанствомъ, не долженъ называться, потому что онъ представляетъ собою не отдѣленіе отъ христіанства, а, напротивъ, приближеніе языческихъ арабовъ къ христіанству. Но мы говоримъ это не потому, что мы знаемъ его происхожденіе а потому что его письменные источники и прежде всего самый коранъ съ его рѣзкою полемикою съ идолопоклонствомъ, указываютъ, изъ чего онъ возникъ. Во многихъ иныхъ случаяхъ происхожденіе религіозныхъ ученій намъ неизвѣстно. Неизвѣстно это и по отношенію къ тѣмъ индійскимъ сектамъ, о которыхъ мы только что упомянули—вышли онѣ изъ ислама или, напротивъ, пошли отъ индуизма по направленію къ исламу? Не рѣшая этого вопроса, мы отмѣчаемъ ихъ какъ религіозныя движенія ислама въ новое время, потому что въ нихъ находимъ идеи ислама только значительно преломленныя и дополненныя вѣрованіями иного характера.

Такова секта *кабиръ-панхти*. Она возникла, по вѣсему вѣроятію, около того года, когда палъ Константинополь и, слѣдовательно, по традиціонному счету начинаетъ свое существованіе съ начала новыхъ вѣковъ. Ея основателемъ былъ Кабиръ ¹⁾, по представленію мусульманъ, мусульманскій святой, по мнѣнію индусовъ — мусульманинъ, бросившій исламъ и перешедшій въ индуизмъ. Возможно, однако, что

¹⁾ На русскомъ языкѣ свѣдѣнія о Кабирѣ можно найти у *Варта* (Религіи Индіи, перев. подъ редакц. кн. Трубецкаго, стр. 272—278). Свѣдѣнія здѣсь буквально заимствованы изъ избранныхъ сочиненій Вильсона. Тоже самое представляетъ статья *Булича* въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона (26 полутомъ, стр. 789).

онъ и никогда и не быть официальнымъ мусульманиномъ. Теперь изслѣдователи сближаютъ его съ Раманандомъ, основателемъ секты Рамананди (характеризующейся культомъ Рамы, воплощеніемъ Вишну). Основаніемъ этого является то, что въ исповѣдной формулѣ (мантрѣ), черезъ произнесение которой вступаютъ въ общество Кабиръ—панхти (индуизмъ по пути Кабира) упоминается имя Рамы и затѣмъ въ вѣрованіяхъ общества встрѣчается много представленій индуизма. Но Кабиръ признаетъ единого Бога, отрицаетъ идолопоклонство, храмъ, по его воззрѣніямъ, долженъ быть только мѣстомъ молитвы, отрицаетъ дѣленіе на касты. Его принципъ: всѣ любящіе Бога и дѣлающіе добро суть братья, все равно мусульмане они или индусы, показываетъ, что онъ, повидимому, стремился создать исламо-индусскую унию. Чтобы никому не было обидно, онъ одинаково порицалъ высокоуміе и лицемѣріе брамановъ и нетерпимость корана и фанатизмъ мурдъ. Онъ проповѣдывалъ отреченіе и созерцательную жизнь, болѣе всего онъ требовалъ нравственной чистоты, но онъ сурово преслѣдовалъ фарисейское подчеркиваніе особенностей своихъ воззрѣній и обычаевъ, рекомендовалъ не стремиться выдѣляться изъ другихъ, а, наоборотъ, приспособляться къ другимъ и уступать другимъ. Ставши во главѣ основанной имъ общины, Кабиръ создалъ институтъ *гуру*—духовныхъ руководителей въ вопросахъ вѣры и нравственности, довѣріе и послушаніе по отношенію къ которымъ со стороны послѣдователей однако должно быть сознательнымъ и свободнымъ. Послѣдователи Кабира распались на двѣнадцать подсектъ или развѣтленій, которыя однако поддерживаютъ между собою общеніе, но различаются въ нѣкоторыхъ пунктахъ ученія, устройствѣ и обрядахъ (такъ шиванайрани не признаютъ гуру). Число кабиръ - панхти въ настоящее время еще, повидимому, довольно значительно.

По своему происхожденію тѣсно связана съ кабиръ-панхти секта сикховъ ¹⁾. Слово сикхи значитъ ученики на языкѣ хинди—томъ самомъ языкѣ, на которомъ записаны изрече-

¹⁾ О вѣрованіяхъ сикховъ см. *Пинкота*—Религія сикховъ (въ книгѣ „Религіозныя вѣрованія“... перев. Тимирязева, 336—346 стр.), *Барта*—Религіи Индіи (277—288 стр.), *Булича*—сикхи (Брокгауза 58 полутомъ). Последнія двѣ статьи представляютъ переводъ съ одного и того же оригинала. У Булича указана иностранная литература.

нія и ученіе Кабира и его преемниковъ. Основателемъ секты сикховъ считается Нанакъ, преданіе представляетъ его ученикомъ какого-то мусульманина и затѣмъ еще ученикомъ Кабира. Нанакъ родился близъ Лагора въ 1469 г. Исламъ и индуизмъ боролись и амальгамировались тамъ въ ту пору. Безъ сомнѣнія Кабиръ былъ не первымъ и не единственнымъ, кому пришла въ голову мысль о томъ, чтобы обобщить вѣрованія мусульманъ и индусовъ. Тѣмъ болѣе Нанакъ не былъ оригинальнымъ, когда провозгласилъ: „нѣтъ ни индуса, ни мусульманина“. Преданіе представляетъ, что это изреченіе вышло изъ его устъ послѣ того, какъ онъ, производя омовеніе въ рѣкѣ, впалъ въ безсознательное состояніе, увидѣлъ себя у вратъ рая, гдѣ ему былъ поданъ кубокъ жизни, отпивъ изъ котораго, онъ услышалъ голосъ Божій, назначившій его божественнымъ посланникомъ. „Нанакъ! Я съ тобою; Я сдѣлалъ тебя счастливымъ и всѣ, которые послѣдуютъ за тобою, будутъ сдѣланы Мною счастливыми. Иди, повторяй Мое имя и побуждай другихъ дѣлать то же. Оставайся незапятнаннымъ отъ прикосновенія къ міру. Продолжай вѣрить въ Мое имя, раздавать милостыню, совершать омовенія и помнить Меня. Я передалъ тебѣ Мое имя и ты совершишь порученное тебѣ дѣло“. Эти божественныя слова соединенныя съ тѣми, которыя произнесъ Нанакъ непосредственно по выслушаніи ихъ, составляютъ основныя положенія его воззрѣній. Есть единый Богъ, въ имя Котораго нужно вѣрить и вѣра въ Котораго объединяетъ людей. Заповѣди объ имени, милостынѣ и омовеніяхъ представляютъ отзвукъ скорѣе ислама, чѣмъ индуизма. Нанакъ приписываютъ изреченіе: я есмь то, т. е. я есмь не я, я есмь богъ. Это—тезисъ пантеистическаго браманизма, развитаго ведантой, но вмѣстѣ съ тѣмъ это и формула суфизма. Принесли ее Нанакъ обратно въ Пенджабъ отъ суфіевъ, или онъ воспринялъ ее непосредственно въ Индіи, она не была уже новостію для мистиковъ ислама. Идолопоклонство отвергалось Нанакомъ, какъ и Кабиромъ и исламомъ. Преслѣдовалось имъ дѣтоубійство, запрещавшееся исламомъ и распространенное въ Индіи. Число 1 у Нанакъ имѣло мистическое значеніе. Оно указывало, что существуетъ лишь одно или единое, все есть одно, всякая мысль и дѣйствіе, исходящія изъ отрицанія этой истины, приводятъ къ заблужде-

нію и страданію. Нужно не допускать такихъ дѣйствій и устранять такія мысли. Тогда очищенный духъ вернется къ Единому. При представленіи этого движенія души по направленію къ Единому Нанаку естественно было воспользоваться вѣрованіемъ въ миграцію души по тѣламъ, вѣрованіемъ въ метампсихозисъ, допускавшемся въ суфизмѣ и имѣвшемъ всеобщее распространеніе въ Индіи.

Нанакъ былъ бѣднымъ человѣкомъ, онъ былъ семейникомъ, имѣлъ двоихъ дѣтей, потомки которыхъ существуютъ доселѣ. Онъ добывалъ себѣ пропитаніе, находясь въ служеніи у одного господина. Когда его посѣтило откровеніе, ему было около 35 лѣтъ, его господинъ былъ одинъ изъ первыхъ увлеченныхъ его проповѣдію, за нимъ скоро послѣдовало много другихъ. Онъ сталъ странствовать по Индіи, посѣтилъ Кашемиръ, по увѣренію его послѣдователей мусульманскаго направленія совершилъ хаджъ въ Мекку. Онъ изрекалъ свои сентенціи въ стихотворной формѣ, часто подъ аккомпаниментъ музыки своего ученика Марданы. Онъ былъ захваченъ въ плѣнъ войсками Бабера, вторгшагося въ Пенджабъ, но, повидимому, онъ понравился и Баберу и былъ отпущенъ имъ, когда тотъ сталъ владыкой Пенджаба. Послѣ начала своей проповѣди Нанакъ прожилъ, повидимому, приблизительно столько же, сколько прожилъ и до начала ея. Интересно сказаніе о его смерти. Онъ хотѣлъ объединить мусульманъ и индузовъ. Послѣдователи изъ среды тѣхъ и другихъ были около него въ его предсмертныя минуты. По индусскому обычаю слѣдуетъ умирать на берегу потока. Нанакъ пришелъ на берегъ рѣки Рави, сѣлъ подъ тѣнью дерева, около него стояли его послѣдователи, ожидая его послѣднихъ наставленій. У нихъ возникли распри относительно его погребенія. „Мы предадимъ его землѣ“, говорили мусульмане — „а мы его сождемъ“, возражали индусы. И вотъ легенда представляетъ, что лишь только Нанакъ умеръ, тѣло его исчезло. Распря прекратилась, потому что исчезъ предметъ распри.

Кабиръ создалъ институтъ *гуру*. Нанакъ сѣузилъ и высилъ это понятіе. Нанакъ провозгласилъ себя гуру, разумѣя подъ этимъ человѣка богодухновеннаго и одареннаго благодатью (*bhakti*). Понятно, что такому человѣку вѣрныя обязаны безусловнымъ послушаніемъ. Свое достоинство гуру

Нанакъ передалъ избранному имъ преемнику. Тотъ въ свою очередь избралъ себѣ преемника. Такъ дѣло шло до пятаго гуру Арджуна, который внесъ нѣкоторыя измѣненія и преобразования въ общину. Онъ первый далъ общинѣ письменное руководство—своего рода библию—ади грантхъ (главную книгу), содержащую въ себѣ произведенія и наставленія—гуру сикховъ, начиная съ Нанака и кончая Арджуномъ и изреченія Кабира и другихъ родственныхъ по духу мыслителей. Арджунъ объявилъ свою власть гуру наслѣдственной. Самая эта власть стала не только духовною, но и политическою. Община сикховъ скоро приобрѣла военнотеократическій характеръ. Нанакъ допускалъ еще существованіе кастъ, но очевидно это существованіе не мирилось съ положеніемъ сикховъ о братствѣ мусульманъ и индусовъ. И теорія и практика кастъ была уничтожена. Но если среди сикховъ можно было установить принципъ равенства и братства, то по отношенію къ не-сикхамъ оказывалось невыгоднымъ руководиться принципомъ братолюбія. Сикхамъ нужно было бороться за собственное существованіе, а вѣра въ истинность своихъ воззрѣній подсказывала мысль и объ обязанности борьбы за ихъ распространеніе. Сикхи приняли теорію мусульманскаго *газавата* (священной войны). Эти положенія достигли своего окончательнаго развитія при десятомъ гуру Говиндѣ синхгѣ (*simha*—левъ). Онъ далъ сикхамъ новую дополнительную книгу—грантхъ десятаго Царства. Всю общину сикховъ онъ назвалъ хальса (*khalsa*—удѣль, т. е. Божій). Священная война была провозглашена священою обязанностію членовъ этого удѣла. Каждый членъ удѣла всегда долженъ былъ носить при себѣ оружіе (по крайней мѣрѣ что-нибудь стальное). Бога стали называть Сарба лоханти—весь изъ желѣза. И въ этой религіи, въ которой во имя мусульманскихъ принциповъ преслѣдовались всякія священныя изображенія, мечъ сталъ предметомъ священнаго культа. Къ нему воины возносили молитвы. Говиндъ не назначилъ себѣ преемника, онъ сказалъ, что отселѣ для сикховъ гуру будетъ не человекъ, а грантхъ, и книга грантхъ какъ и мечъ, съ тѣхъ поръ приобрѣла у нихъ фетишистическое значеніе.

Говиндъ изгонялъ элементы индуизма изъ культа сикховъ (остался лишь культъ коровы). Его политическій преем-

никъ Банда (религіознаго преемника у него не было) совершилъ обратное движеніе по направленію къ индуизму. Онъ запретилъ употребленіе всѣхъ видовъ мяса (раньше запрещалось только коровье). Банда вообще былъ свирѣпъ и строгъ. Онъ запретилъ употребленіе табаку, вина, регламентировалъ одежду. Онъ погибъ ужасною мученическою смертію въ борьбѣ съ противниками сикховъ. Послѣ него управленіе общиной взяла на себя корпорація акали (вѣрныхъ предвѣчнаго), учрежденная еще Говиндомъ. Братство сикховъ между собою и обособленіе ихъ отъ другихъ имѣло своимъ послѣдствіемъ, что они образовали нѣчто въ родѣ воинственнаго племени. Но ихъ воинственность уже не стоитъ въ связи съ газаватомъ. Религіозность ослабѣла у сикховъ. Заповѣди о воздержаніи и неупотребленіи наркотическихъ веществъ забылись. Элементы индуизма стали проникать къ нимъ шире и глубже, хотя идолопоклонства у нихъ нѣтъ, существуетъ лишь почитаніе священныхъ мѣстъ. Въ своихъ храмахъ они совершаютъ молитвы, читаютъ отрывки и поютъ гимны изъ грантхъ. Ихъ молитвенныя собранія заканчиваются раздачею вѣрнымъ карахъ просада—жертвеннаго печенья. Общество сикховъ распалось на многія корпораціи, нѣкоторыя изъ каковыхъ совершенно аналогичны дервишескимъ. Въ настоящее время сикховъ въ Пенджабѣ считается 1.200.000. Но кромѣ того они живутъ и въ Индостанѣ и въ Деканѣ. Повидимому, религіи сикховъ предстоить участь раствориться въ индуизмъ. Но въ самые послѣдніе годы возникла среди нѣкоторыхъ сикховъ тенденція возстановить ученіе Нанакъ въ чистомъ видѣ и съ этою цѣлію предпринято систематическое изученіе и анализъ грантх'овъ и другихъ древнихъ священныхъ книгъ.

Чтобы покончить съ ученіями индомусульманскаго характера, нужно упомянуть еще объ общинѣ Брама Сомай, возникшей въ началѣ XIX столѣтія. Ея названіе указываетъ на браманизмъ, но оно не характеризуетъ ее вполне. Эта община хотѣла установить религію—и эта не единственная попытка въ Индіи—на началахъ исторической критики религіи и синкретизма. Въ основу свою оно положило веды, коранъ и Библию; такимъ образомъ коранъ играетъ здѣсь роль одного изъ религіозныхъ началъ. Но такъ какъ корни

этой религиозной системы всецѣло индійскаго происхожденія, то поэтому о ней удобнѣе будетъ говорить въ трактатѣ о религіяхъ Индіи.

Исторія религій, постоянно представляя намъ зрѣлище того, какъ религиозныя общины уходятъ отъ своихъ духовныхъ началъ, забываютъ ихъ и подмѣниваютъ новыми, вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно представляетъ и попытки отдѣльныхъ лицъ или ассоціаций возвращаться къ этимъ духовнымъ началамъ, очищать имѣющееся у нихъ духовное наслѣдіе отъ наросшей на него исторической шелухи, реформировать и реорганизовать религиозное общество въ духѣ и завѣтахъ его основателя. Мы только что упомянули о возникшемъ теперь стремленіи нѣкоторыхъ сикховъ вернуться къ завѣтамъ Нанака. Но гораздо раньше этой незначительной попытки въ исламѣ возникло крупное движеніе, имѣвшее своею цѣлю возстановить исламъ въ томъ видѣ, какой ему далъ Магометъ и согласно духу и буквѣ корана. Это движеніе, начавшееся во второй половинѣ XVIII вѣка и ослабѣвающее лишь въ настоящее время, было произведено ваггабитами.

Послѣ Магомета въ исламѣ получилъ широкое распространеніе культъ святыхъ. Объектомъ этого культа прежде всего сталъ самъ Магометъ. Гробницы святыхъ стали украшаться, на нихъ устраивали часовни, возжигали лампы, приносили моленія святымъ, давались обѣты и клятвы. Это почитаніе умершихъ правовѣрныхъ мусульманъ стояло въ прямомъ противорѣчій съ принципомъ правовѣрія, призывающемъ почитать лишь одного Аллаха. Рядомъ съ культомъ несогласнымъ съ кораномъ у мусульманъ устанавливалась и жизнь несогласная съ требованіями корана. Развратъ, пьянство, употребленіе табаку, все это встрѣчалось у правовѣрныхъ такъ же, какъ и у неправовѣрныхъ. Распространились суевѣрія. Иногда довольно наивныя. Такъ, напр. выработался обычай оставлять на бритой головѣ маковку небритой на томъ основаніи, что въ день страшнаго суда Магометъ будетъ переносить своихъ послѣдователей въ рай, держа ихъ за маковку. Отчасти и подобныя суевѣрія, а главнымъ образомъ искаженіе вѣры и нарушеніе требованій морали должны были смущать тѣхъ, кто свято чтить коранъ и стремился къ сознательному и правильному осу-

ществленію его требованій. Естественно должны были возникнуть мысли о реформѣ вѣры и жизни.

Осуществить такія мысли рѣшилъ Магометъ-ибн-абд-эль Ваггаби ¹⁾. Онъ родился въ Неджедѣ около 1720 г., говоритъ, учился въ Мединѣ. Занявшись торговлею, онъ посетилъ многіе города, гдѣ наблюдалъ, обсуждалъ и слушалъ сужденія другихъ объ извращеніи и упадкѣ ислама. Наконецъ, онъ выступилъ съ проповѣдію противъ извращенія ислама и развращенности мусульманъ. Онъ отвергалъ культъ святыхъ, требовалъ уничтоженія всякаго рода реликвій и украшеній священныхъ мѣстъ. Онъ явился ригористическимъ пуританиномъ ислама. Онъ попытался начать свою проповѣдь въ области Геджаса, въ Меккѣ и Мединѣ. Его энтузіазмъ привлекъ къ нему многихъ приверженцевъ, но партія противная реформѣ была несравненно сильнѣе его. Въ городѣ Эюнѣ между приверженцами Ваггаби и противниками произошелъ бой, и Ваггаби долженъ былъ удалиться оттуда. Онъ отправился въ Неджедъ, здѣсь въ городѣ Дерайи его радушно принялъ шейхъ Саудъ, въ послѣдствіи ставшій его зятемъ. Саудъ увлекся проповѣдію Ваггаби и назвалъ себя послѣдователемъ и мечемъ новаго ученія. По мысли Ваггаби мусульмане особенно крѣпко стали забывать два требованія ислама: любовь къ вѣрнымъ и ненависть къ невѣрнымъ—милостыню и священную войну. То и другое нужно было восстановить. Самъ Ваггаби не выступалъ въ образѣ воинственнаго вождя и мирно умеръ въ Дерайи у Сауда въ 1787 г., но Саудъ и его потомки стремились утвердить ваггабизмъ огнемъ и мечемъ.

Строгий ортодоксализмъ въ ученіи и строгая воздержность въ жизни представляютъ у ваггабитовъ обязанности по отношенію къ самимъ себѣ. Эти обязанности не заключаютъ сами въ себѣ много привлекательнаго, но разъ къ нимъ была присоединена обязанность преслѣдовать другихъ за неисполненіе этихъ обязанностей, ваггабизмъ долженъ былъ стать привлекательнымъ въ глазахъ многихъ живущихъ на

---

¹⁾ О ваггабизмѣ см. *Уманца*—Очеркъ религіозно-философской мысли въ исламѣ, см. 126—135 стр., въ словарь Брокгауза—Ваггабиты (9-ый полутомъ). Между этими двумя статьями есть противорѣчія въ именахъ лицъ, хронологіи событій и подробностяхъ.

арабскомъ полуостровѣ. Саудъ и затѣмъ его преемники, называемые ваггабитской династіей, скоро привлекли къ себѣ многихъ. Сначала къ нимъ примкнули бедуины Недждеда, затѣмъ ваггабитская пропаганда стала двигаться и далѣе на западъ по направленію къ Геджасу и на сѣверо-востокъ по направленію къ Багдаду. Меккскія и багдадскія власти, обратившіяся за поддержкой къ Турціи, рѣшили дѣйствовать противъ ваггабитовъ, но ихъ арміи не имѣли успѣха. Наоборотъ, воинственныя движенія ваггабитовъ принесли много скорбей и Персіи и Геджасу. На своемъ завоевательномъ пути ваггабиты уничтожали часовни и мазары (мавзолеи), украшавшія гробницы святыхъ, требовали, чтобы правовѣрные не употребляли четокъ и амулетовъ, вводили въ покаряемыхъ областяхъ строгій режимъ, насильно загоняли обывателей въ мечеть на молитвы, запирали лавки въ часы назначенныя для богослуженія. Въ Кербелѣ они разрушили часовню надъ могилой Гуссейна, высоко и свято почитающагося персидскими шитами. Они овладѣли Меккой, разрушили мавзолеи святыхъ, уничтожили золоченныя купола, воздвигнутыя на мѣстахъ рожденія Магомета и въ честь его жены, родственниковъ и потомковъ—Хадиджи, Абу-Талиба, Гуссейна и др. Они овладѣли Мединой и не пощадили даже могилы пророка, снявъ съ нея украшавшія ея драгоценности. Къ сѣверу они поднимались до Дамаска. Около конца первой четверти XIX вѣка они проникли въ Индію. Здѣсь побѣдоносное движеніе ихъ было остановлено англійскою арміей и теперь тамъ ихъ насчитываютъ всего около трехъ тысячъ человекъ, которые живутъ въ Палози на берегахъ Инда. Въ Аравіи съ могуществомъ ваггабитовъ упорно боролись турки; въ концѣ концовъ ваггабитизмъ, какъ политическая сила, долженъ былъ заключиться въ границы Недждеда. Но понятно, что пока существуетъ вѣра въ коранъ и Магомета, ваггабитизмъ не можетъ считаться сокрушеннымъ. Онъ есть правовѣріе ислама. Пока существуетъ исламъ, должно существовать у него и правовѣрное зерно. Ваггабиты не то же, что христіанскіе реформаторы или протестанты. Послѣдніе, провозгласивъ своею задачею реформацію христіанства въ его первоначальномъ чистомъ видѣ, этотъ первоначальный чистый видъ стали рисовать совершенно по своему вкусу и произволу. Въ концѣ концовъ у

нихъ не оказалось ничего общеобязательнаго и они стали приходить къ рационализму. Тюбингенская школа, Гарнакъ и другіе повторили въ христіанствѣ мутазилитовъ ислама. Ваггабиты никогда не роняли изъ своихъ рукъ корана и никогда не переставали считать Магомета пророкомъ.

Ваггабизмъ возникъ въ Аравіи на почвѣ суннизма; значительно позднѣе въ Персіи на почвѣ шиизма возникло движеніе, названное бабизмомъ, получившее широкое развитіе, имѣющее сложную исторію и далеко не сказавшее своего послѣдняго слова. Вотъ что говорилъ въ Парижѣ въ 1900 г. на конгрессѣ по исторіи религій одинъ изъ изслѣдователей бабизма Аракелянъ: „въ Персіи бабистовъ насчитываютъ въ настоящее время 3. 000, 000, среди мусульманъ (всего ихъ около 5. 000. 000) Кавказа, закаспійскихъ странъ, Бухары, Центральной и Малой Азіи ихъ считаютъ 2. 000. 000. Такъ какъ все населеніе Персіи считается въ 7 милліоновъ, то слѣдуетъ, что половина Персіи—хотя и тайно—содержитъ бабизмъ и для тѣхъ, кто посѣщаль Персію, кто приходилъ въ живую связь съ персидскимъ населеніемъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что бабизмъ есть будущая религія Персіи“¹⁾. Въ этихъ словахъ звучитъ пристрастіе къ бабизму и слишкомъ большое довѣріе къ своимъ религіознымъ и политическимъ антиципаціямъ. Но если и признать переспективы на будущее необоснованными, милліонныя цифры сомнительными, то всетаки ясно, что подобное заявленіе сдѣланное въ ученомъ собраніи могло быть вызвано только крупнымъ фактомъ. Бабизмъ несомнѣнно и есть крупное явленіе. Онъ не просуществовалъ еще столѣтія и въ сущности еще не вышелъ изъ періода гоненій, которыя часто переживаютъ зарождающіяся религіи, но онъ уже силенъ и оказываетъ несомнѣнное нравственное вліяніе на массы и ихъ соціальныи строй.

Основателемъ бабизма былъ бабъ-Хаджи-сейидъ-Али-Магометъ (сейидами въ средней Азіи называютъ потомковъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ—Магомета черезъ его дочь Фатиму). Онъ родился въ Ширазѣ около 1819 г., былъ сыномъ небогатаго продавца, получилъ скромное образованіе

¹⁾ Arakelian—Babisme en Perse (Actes du premier congrès international d' Histoire des Religions. Deuxième partie. Fascicule I.)

на родинѣ, помогаль отцу въ торговлѣ, а послѣ его смерти, будучи еще несовершенно-лѣтнимъ, оказался на попеченіи своего дяди по матери. По торговымъ дѣламъ онъ переселился изъ Шираза въ Буширъ (городъ на берегу Персидскаго залива). Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе необыкновенною для его молодости серьезностію, замѣчательною нравственностію, мягкими манерами, меланхолическимъ темпераментомъ. Онъ любилъ бесѣдовать съ учеными и слушать путешественниковъ. Уже здѣсь о немъ составили убѣжденіе, что онъ слѣдуетъ ученію тариката. Симпатіи всѣхъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, онъ привлекалъ къ себѣ. Изъ Бушира Али-Магометъ перешелъ въ Кербеллу, здѣсь около могилы святѣйшаго имама Гуссейна въ ту пору Хаджи-сейидъ-хазма имѣлъ популярную школу, онъ излагаль ученіе тариката и развиваль теорію и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждалъ пламенное ожиданіе пришествія Махди. Али-Магометъ сталъ его ученикомъ. Своею религіозною ревностію, скромностію, благородствомъ онъ скоро выдѣлился изъ среды учениковъ учителя. Его привлекательный образъ останавливалъ на немъ вниманіе всѣхъ. Его хотѣли слышать всѣ. Но онъ, кажется, говорилъ мало, отрывочно и неясно. Въ подобныя рѣчи, если они исходятъ изъ устъ авторитета, обыкновенно каждый влагаетъ тотъ смыслъ, который хочеть. Кербелла является шиитской Меккой. Туда стекаются богомольцы со всѣхъ сторонъ, а оттуда они всюду разносятъ вѣсти о томъ, что видѣли и слышали въ Кербеллѣ. Оттуда пилигримы стали разносить и славу Али-Магомета. Его называли меджзубъ (изступленный, юродивый въ религіозно-высокомъ смыслѣ); о немъ повѣствовали, что онъ совершаетъ чудеса, исцѣляетъ недуги. Неожиданно изъ Кербеллы Али-Магометъ вернулся въ родной Ширазъ. Здѣсь, продолжая свои религіозныя упражненія и занятія, онъ началъ выступать и въ роли учителя и прежде всего въ роли обличителя. Совершая самъ аскетическіе подвиги, онъ говорилъ порою, что теперь страсти, а не Аллахъ, управляютъ людьми. Нужно возстановить царство воли Аллаха. Кто можетъ возстановить это царство? Не юный ли аскетъ погруженный въ себя такъ, что порою не слышалъ и не замѣчалъ ничего, что происходило около? О немъ говорили тогда, что онъ—въ джезбѣ (балгодатномъ состояніи, влекущемъ къ Богу), въ бесѣдѣ со скрытымъ имамомъ.

Кербельскій учитель Али-Магомета Сейидъ Казма умеръ. Ученикамъ плакавшимъ о немъ онъ сказалъ предъ смертію: „неужели вы не хотите, чтобы я ушелъ и чтобы истина открылась“. Это темное изреченіе указывало, повидимому, на скорое открытіе истины и тѣмъ открывало просторъ къ широкимъ предположеніямъ. Ученикъ Казмы Гуссейнъ, прибывши въ Ширазъ, рассказалъ Али-Магомету о смерти ихъ учителя, о его наставленіяхъ и послѣднихъ словахъ. Тогда неожиданно для собесѣдника Али-Магометъ заявилъ: я—бабъ. Бабъ значитъ ворота. Въ данномъ случаѣ это означало: я—ворота, я—дверь истины. Это выраженіе должно быть сопоставлено съ упоминавшимися раньше словами приписываемыми шитскимъ преданіемъ Магомету: я городъ, Алій—ворота этого города, т. е. я—истина, должна быть дверь, которая вела бы другихъ къ этой истинѣ. Откуда взять этотъ образъ? Посредственно или непосредственно, но пророки ислама въ этихъ выраженіяхъ присвоили себѣ то, что принадлежитъ Христу: „Я есмь дверь“ (Іоан. 10, 9). Господь опредѣлялъ Себя и какъ дверь и какъ пастыря, проходящаго черезъ эту дверь и какъ истину. По первоначальной мысли Али-Магомета онъ—дверь, черезъ которую открывается доступъ къ скрытому имаму, къ скрытой истинѣ, но потомъ онъ отождествилъ дверь съ тѣмъ, что скрывается за дверью. Сначала Гуссейнъ усумнился въ религиозномъ достоинствѣ своего бывшаго товарища, но скоро пришелъ къ убѣжденію, что онъ дѣйствительно бабъ и слава о новоявившемся бабѣ, которому было около 25 лѣтъ отъ роду, быстро разнеслась по Персіи ¹⁾.

Около баба собралась значительная толпа приверженцевъ. Въ своихъ рѣчахъ Али-Магометъ бичевалъ предъ своими новообращенными послѣдователями несправедливость властей, безнравственность шитскихъ духовныхъ, корыстность, вообще все дурное и говорилъ, что приближается новая эра счастья и справедливости. Въ послѣднемъ, понятно, заключалась могучая подкупающая сила проповѣди. Фантастиче-

¹⁾ О бабизмѣ см. *Мирзы-Каземъ-Бека*—Бабъ и бабиды, *Уманца*—очеркъ религиозно-философ. мысли въ исламѣ, *Браума*—бабъ и бабиды (Религиозныя вѣрованія... перев. Тимирязева), *Батюшкова*—Бабиды (Вѣстн. Европ. 1897, № 7). Въ хронологіи и подробностяхъ событій у этихъ авторовъ есть противорѣчія.

скія ожиданія распространялись среди персовъ. Между тѣмъ бабъ неожиданно изъ Шираза отправился въ Мекку. Отсюда—прибавленіе хаджи къ его имени, какъ уже ранѣе ему было придано имя кербелляи, какъ паломнику въ Кербеллу.

Вѣсть о появленіи баба распространяла и волновала умы. Рѣчи о томъ, что наступитъ новый порядокъ вещей, соединялись съ осужденіемъ существующаго порядка. Духовенство и правительство увидѣли себя принужденными выступить на борьбу съ новой пропагандой. Нѣкоторые ученики баба были арестованы, подвергнуты наказанію палками, имъ было запрещено проповѣдывать. Когда самъ бабъ по возвращеніи изъ Мекки приплылъ въ Буширъ, онъ былъ схваченъ и отправленъ подъ арестомъ въ Ширазъ. Это было въ сентябрѣ 1845 г., а Али-Магометъ объявилъ себя бабомъ ^{30 апрѣля} _{12 мая} 1844 г. (5 Джемъ-эль-Авеля 1260 г. геджры, день возникновенія бабизма). Въ теченіе одного года съ небольшимъ уже образовалась секта и выросло движеніе. Свѣдѣнія о пребываніи баба въ Ширазѣ въ деталяхъ неясны и противорѣчивы. Несомнѣнно, онъ былъ подвергнутъ допросу. Допросъ по обычаю имѣлъ характеръ диспута, и хотя для диспутантовъ непосредственный исходъ такихъ диспутовъ бываетъ predeterminedъ полиціей, ихъ нравственное значеніе простирается гораздо далѣе и нерѣдко бываетъ діаметрально противоположно тѣмъ цѣлямъ, которыя намѣтили для нихъ устроители. Представимъ себѣ картину этого диспута. Юный аскетъ, ничего не имѣвшій и ни въ чемъ ненуждавшійся, исполненный нѣжности и доброты, строгій ревнитель религіозныхъ требованій, благочестивый паломникъ въ Кербеллу и Мекку, вдохновенный энтузіастъ съ глубокою вѣрою въ коранъ соединявшій не менѣе глубокою вѣрою и въ свое дѣло, онъ долженъ былъ привлечь къ себѣ сердца всѣхъ тѣхъ, кто не былъ лично заинтересованъ въ его осужденіи. Онъ ничего не отвергалъ въ исламѣ, онъ даже арабскій языкъ корана признавалъ священнымъ, правда, онъ выдвигалъ свои сочиненія и придавалъ имъ значеніе откровенія. Но и для тѣхъ, кто въ это не вѣрилъ, сопоставленіе этой претензіи съ другими его качествами только давало право назвать его медязуб'омъ въ смыслѣ поврежденнаго въ умѣ. Его судьямъ и оппонентамъ трудно было привлечь къ себѣ

симпатіи. Въ осужденіи баба, бичевавшего своими рѣчами ихъ непригодность для того дѣла, которому они служили, были заинтересованы ихъ алчность, честолюбіе и властолюбіе. Юная аскетическая фигура баба и обрюзшія, духовно омертвѣвшія фізіономіи шіитскихъ муллъ представляли контрастъ слишкомъ невыгодный для послѣднихъ. Съ одной стороны вдохновенныя импровизаціи энтузіаста, съ другой—омертвѣвшая, потерявшая для слуха и сердца жизненное значеніе буква школы. Судьба такой буквы въ религіи вездѣ одинакова и вездѣ печальна. Диспутъ кончился присужденіемъ баба къ наказанію палками и заключенію, однако не въ темницу, а въ домъ главнаго начальника полиціи. Можно догадываться, что послѣдній не особенно стѣснялъ его и очень можетъ быть симпатизировалъ ему. Ученики баба свободно находили къ нему доступъ. Затѣмъ, повидимому, безъ всякихъ затрудненій бабъ оставилъ мѣсто своего заключенія и переселился или бѣжалъ въ Испагань, губернаторъ каковаго города интересовался имъ и покровительствовалъ ему. Это обстоятельство, какъ бы оно ни совершилось, во всякомъ случаѣ показываетъ, что власти не имѣли тогда строгихъ предписаній относительно баба. Однако, когда покровитель баба умеръ, новый властитель, вступившій въ Испагань, немедленно выслалъ баба въ тегеранъ къ тогдашнему шаху Магомату, но первый министръ настоялъ на томъ, что неудобно допустить баба въ столицу и его отправили въ крѣпость Маку; отсюда его снова вызывали въ Тавриздъ, снова били палками и опять отправили въ Маку. Но самыя переселенія его изъ однихъ мѣстъ заключенія въ другія обращались на пользу бабизма. Онъ приобрѣталъ себѣ новыхъ адептовъ въ тѣхъ, кто встрѣчалъ его на пути, и порой таковыми становились самыя его конвойныя. Въ тюрьмѣ бабъ писалъ свои наставленія, откровенія и толкованія не только на коранъ, но и на Библию. Въ тюрьмѣ, повидимому, онъ написалъ священныя книги бабизма—Бейянь, Ахсанъ-уль-Касассье, Китабе-хейякиль и нѣк. др. Изъ Маку бабъ переведенъ былъ въ Черикъ, гдѣ сношенія съ учениками ему сильно были затруднены.

Ученіе баба ревностно пропагандировалъ Мулла Гуссейнъ, предъ которымъ бабъ первымъ нѣкогда открылся въ своемъ высокомъ призваніи. Число приверженцевъ бабизма расло.

Между тѣмъ въ Персіи случилось событіе, которое должно было подѣйствовать ускоряющимъ образомъ на бабистическое движеніе. Въ 1848 г. умеръ Магометь—шахъ. Смерть шаха въ Персіи обыкновенно влекла за собою анархію. Съ шахомъ обыкновенно падало цѣлое правительство и цѣлая система управленія и не сразу выяснялось, кто станетъ у кормила правленія и какъ будетъ имъ править. Аппетиты, ранѣе сдерживавшіеся, обыкновенно въ эту пору заявляли о себѣ открыто, всевозможные взгляды и мнѣнія высказывались громко. Бабиды захотѣли воспользоваться этимъ моментомъ, чтобы поднять знамя возстанія. Во главѣ движенія кромѣ Гуссейна стояли мулла Магометь-Али изъ Балафруша, сейидъ Яхія Дараби, посланный нѣкогда на диспутъ съ бабомъ и закончившій диспутъ признаніемъ своего противника истиннымъ бабомъ и, наконецъ, въ первый разъ въ религіозномъ движеніи ислама въ активной и открытой роли выступила женщина. Это была Курать-эль-айнъ (свѣтъ очей). Бабъ выставилъ своимъ тезисомъ, что должно жить не по буквѣ, а по духу закона. Будучи въ существѣ человѣкомъ грамотнымъ и мягкимъ, онъ сообщалъ такой духъ и закону. Онъ отличался нѣжностію и любовью къ дѣтямъ и онъ ратовалъ за поправныя права женщины. Бабу приписываютъ такое положеніе: любите дочерей своихъ, ибо онѣ предъ Богомъ гораздо болѣе возвеличены и любезны, чѣмъ сыновья. Тотъ, кто приметъ это исповѣданіе, не долженъ давать развода. Между вами и женами вашими не должно быть покрывала, даже если бы это покрывало было тоньше древеснаго листка, дабы женщины ничѣмъ не огорчались: это есть для васъ милость Божія. Курать-эль-айнъ была прекрасно образована съ точки зрѣнія тогдашней персидской культуры, она была и прекрасна и сама — обстоятельство, которое тоже нельзя игнорировать при сужденіяхъ о религіозныхъ движеніяхъ и социальныхъ событіяхъ. Она была блестящимъ ораторомъ и недурнымъ поэтомъ. Бабиды поручили ей произнести публичную рѣчь о бабизмѣ. Она должна была говорить о новомъ откровеніи и наступающемъ царствѣ правды. Но уже самый фактъ появленія на городской площади красавицы безъ покрывала и на каедрѣ былъ новымъ откровеніемъ для обступившей каедру толпы. Рѣчь Курратъ воспламенила многихъ.

Произошли возстанія бабидовъ, призывавшія принять новую вѣру и бороться противъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, поддерживавшихъ суевѣріе и деспотизмъ. На престолъ вступилъ Наср-эдинъ. Ему пришлось выдержать упорную борьбу съ бабидами, которая закончилась кровавымъ истребленіемъ бабидовъ въ Астане-шейх-Таберсе (Таберси—шітскій святой, гробница котораго находится въ мѣстности между Эльбрусомъ и Каспійскимъ моремъ), Зенджанъ, Ниризъ. Бабъ, который не могъ принимать активнаго участія въ возстаніяхъ его приверженцевъ и не могъ руководить этими приверженцами, былъ осужденъ на казнь. Думали, что, убивъ вождя, остановятъ движеніе. Обвинительный вердиктъ былъ произнесенъ въ Тавризъ. вмѣстѣ съ бабомъ были осуждены его два любимые ученика Гуссейнъ изъ Іезида и Ака-Магометъ-Али изъ Тавриза. Гуссейнъ отрекся отъ бабизма, и ему была возвращена жизнь и свобода. Полагаютъ и можно навѣрное утверждать это, что Гуссейнъ поступилъ такъ по согласію съ бабомъ: нужно было передать бабидамъ послѣднія писанія и наставленія баба. Еслибы погибли всѣ товарищи по тюрьмѣ, погибло бы и послѣднее духовное завѣщаніе баба. Отреченіе Гуссейна должно было спасти его, и Гуссейнъ, получивъ свободу, немедленно отправился въ Тегеранъ къ бабидамъ, они приняли его какъ принесшаго благовѣстіе, и видно, что никто и никогда изъ бабидовъ не думалъ считать его дѣйствительнымъ отступникомъ. Баба и Магомета-Али постановили разстрѣлять. При совершеніи казни произошло обстоятельство, которое чуть было не стало чудомъ, но однако не стало имъ. Солдаты дали ружейный залпъ въ баба и Магомета, которые были привязаны за веревки. Когда разсѣялся дымъ отъ залпа, увидѣли, что трупъ Магомета виситъ, а баба нѣтъ. Бабъ исчезъ. Дѣло въ томъ, что пули перебили веревки, которыми былъ связанъ бабъ, и не тронули его. Когда баба увидали невредимымъ, многіе изъ бросавшихъ въ него ранѣе камня готовы были признать его за пророка. Но на его несчастье исполнителями казни были христіане, они изслѣдовали дѣло, снова схватили баба, и приговоръ надъ нимъ приведенъ былъ въ исполненіе.

Но смерть баба не остановила движенія. Вѣдь движеніе привязывалось только къ личности баба, но не въ немъ

была его сила и его жизненный нервъ. Движеніе поднималось противъ строя жизни, противъ порядковъ, противъ законныхъ и для многихъ тягостныхъ обычаевъ. Судьба такихъ движеній не зависитъ отъ судьбы одного лица. Поскольку теоріей для дѣла бабидовъ требовался бабъ, его легко можно было найти и придумать. Самъ бабъ уже создалъ организацію изъ 19 членовъ заправлявшихъ дѣломъ бабизма, въ каковой организаціи на мѣсто выбывшихъ ставили новыхъ членовъ. Бабъ говорилъ о томъ, что будутъ новыя откровенія и новые пророки. А если такъ, то значить и на его мѣсто можно поставить новаго баба. Въ 1852 г. одинъ изъ глубокихъ почитателей баба Садихъ сдѣлалъ попытку убить Насрэддина, надѣясь, конечно, что послѣдующая революція повернетъ дѣло въ пользу бабизма. Но попытка не удалась. Шахъ былъ слегка раненъ, о чемъ узнали уже послѣ, такъ какъ, получивъ рану, онъ по свидѣтельству очевидцевъ, даже не поморщился. Садихъ былъ убитъ на мѣстѣ преступленія. А на бабидовъ было воздвигнуто ужасное гоненіе. Была пущена въ ходъ особая и своеобразная мѣра для подавленія бабизма. Арестованныхъ и осужденныхъ первый министръ раздавалъ сословіямъ, учрежденіямъ, заявляя, что по роду той смерти, которымъ они казнятъ преступника, правительство будетъ судить о ихъ вѣрно-подданничествѣ. Понятно, какими мѣрами низость и лезть пожелали засвидѣтельствовать свою вѣрноподданность. Посредствомъ ужасныхъ пытокъ бабидовъ отправляли на тотъ свѣтъ. Было бы униженіемъ для животныхъ проявляющуюся при этомъ жестокость называть звѣрскою. Бабиду Сулейману вырвали всѣ зубы и затѣмъ вбили ихъ ему въ темя. Бабидами заряжали пушки и стрѣляли изъ нихъ. Въ этотъ ужасный годъ погибъ Гуссейнъ, мнимо отрекшійся отъ бабизма. Была обезглавлена Курратъ, ея тѣло брошено въ колодезь; ея религіозные канты, мистико-философскія сочиненія были въ послѣдствіи напечатаны и пользуются большимъ уваженіемъ у бабидовъ.

Преемникомъ баба долго считался мирза Іахая. Онъ былъ любимымъ ученикомъ баба и тотъ прозвалъ его Субхе-езель (утро вѣчности), но въ послѣдствіи приматство его сталъ оспаривать старшій братъ Беха-улла, утверждавшій, что именно его бабъ хотѣлъ видѣть своимъ преемникомъ и его разу-

мѣль, говоря о появленіи менгуцхи-рухъ-хуллахъ (человѣкъ, которому откроетъ, т. е. истину, Богъ). Бабиды вслѣдствіе гоненія, не уменьшавшіеся въ Персіи, разсѣялись еще и по Турціи. Здѣсь и жили оба главы бабизма, заставившіе раздѣлиться бабидовъ на бегаидовъ и езелидовъ. Какая изъ партій восторжествовала, можно уже видѣть изъ того, что, наприм., изслѣдователь бабизма Аракельянъ называетъ теперешній бабизмъ бегаизмомъ. Число езелидовъ по своей статистикѣ онъ опредѣляетъ всего въ 10,000. Бега увлекъ за собою бабидовъ, онъ сталъ учить, что бабъ по отношенію къ нему былъ тоже, что Іоаннъ Креститель къ Іисусу. Въ своихъ посланіяхъ къ послѣдователямъ онъ называлъ себя истинною, которую ожидалъ родъ человѣческой, отцомъ, о которомъ предсказано, что онъ сойдетъ съ неба. Онъ умеръ въ 1892 г., назначивъ своимъ преемникомъ своего старшаго сына Аббаса-Эфенди, придавши ему имя Кусне-Аземъ (великая вѣтвь). Аббасъ и является теперь главою бабидовъ, своимъ вѣрнымъ онъ время отъ времени посылаетъ посланія—риссалейэ-сіассіэ (письма о политикѣ), въ которыхъ по видимому слѣдуетъ принципамъ своего отца. Бабизмъ растетъ теперь. Смерть Насрэддина въ 1896 г. отъ руки убійцы внушила было мысль, что онъ погибъ отъ бабида, но потомъ оказалось, что убійца былъ вовсе не бабидъ. Наслѣдовавшій Насрэддину Музаферэддинъ не сталъ преслѣдовать бабидовъ. На улучшенія участи бабидовъ еще раньше уже повліяли представленія русскаго правительства. Лѣтомъ 1903 года произошли однако снова въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Персіи кровавыя расправы съ бабидами, но затѣмъ до лѣта 1904 г. слухи и о такихъ печальныхъ явленіяхъ замолкли.

Ученіе бабизма не оставалось неизмѣннымъ и не принижалось по мѣрѣ того, какъ становилось исповѣданіемъ большаго и большаго числа лицъ. Напротивъ, оно возвышалось и облагораживалось. Бабъ по началу былъ правовѣрнымъ суфіемъ, правовѣрныхъ онъ противопоставлялъ неправовѣрнымъ, онъ всецѣло проникнуть былъ духомъ арабскаго ислама. Арабскій языкъ онъ считалъ священнымъ. Свойства Божія въ коранѣ обозначаются словами, сумма цифръ соотвѣтствующихъ буквамъ которыхъ нерѣдко равна 19 (единъ=уахидъ 19, абсолютень—вуджудъ=19, хей—живой=18, но Онъ живой одинъ 18+1=19; произведеніе уахидъ на

вуджудъ $19 \times 19 = 361$ соотвѣтствуетъ суммѣ цифръ слова *есе-хуллу-шейшль*). Девятнадцатичастное дѣленіе бабъ положили въ основу всего. Свою книгу „беанъ“ (откровеніе) онъ раздѣлилъ на 19 главъ. Годъ раздѣлилъ на 19 мѣсяцевъ по 19 дней въ каждомъ, къ этому прибавляется еще 5 дней предъ послѣднимъ мѣсяцемъ поста (въ которые особенно рекомендуются милостыня и добрыя дѣла). Во главѣ своей общины онъ поставилъ совѣтъ 19, названный имъ „согласіе“. Самъ онъ назывался исходной точкой, а остальные—буквами жизни. Возврънія баба, какъ вообще суфіевъ, склонялись къ пантеизму. Все исходитъ отъ Бога, зло, это—случайное отклоненіе отъ правильнаго мірового порядка. Бабъ хотѣлъ измѣнить социальный и государственный строй. Обязательныя подати онъ хотѣлъ замѣнить добровольными взносами. Мужчинъ и женщинъ онъ хотѣлъ уравнивать въ правахъ. Но за исключеніемъ этого онъ сохранялъ традиціи ислама. Субхе-Езель повидимому не имѣлъ въ виду двигать реформу ислама далѣе. За то Беха двинулъ ее далеко.

Иттихадъ и иттифакъ—солидарность и единство (человѣчества,) выдвинуты имъ, какъ руководящія начала для бабидовъ. Бабиды должны основать „царство сердець“. Всѣ люди—братья и у всѣхъ нихъ одно отечество—земля. Къ этому должно быть привели бабидовъ знакомство съ Новымъ Завѣтомъ и расселеніе внѣ Персіи, гдѣ порою они встрѣчали къ себѣ болѣе доброе отношеніе, чѣмъ на родинѣ. Теоретически бабиды—космополиты. Всѣ народы хороши предъ Богомъ; нѣтъ народовъ избранныхъ, каковыми считаютъ себя евреи и мусульмане, бѣлая, желтая, черная раса равны. Женщина должна быть уважаема и должна пользоваться правами. Брака не должно быть безъ согласія на него брачующихся. Одобряется единобрачіе и въ случаѣ безплодія жены дозволяется брать другую, но не отвергая первой. Наложничество (сига) запрещается. Мужъ можетъ оставлять домъ лишь съ согласія жены, послѣ произвольнаго девятимѣсячнаго отсутствія мужа жена можетъ выйти за другого. Въ случаѣ прелюбодѣнія разрѣшается разводъ. Имущество умершаго раздѣляется на 2520 частей дѣтямъ мужского и женскаго пола поровну; 480 частей — вдовѣ; 420 частей—отцу умершаго, 360 частей—его матери; 300 частей его братьямъ; 240—сестрамъ; 180 частей—учителямъ

дѣтей. Если какихъ-либо наслѣдниковъ нѣтъ, то $\frac{1}{3}$ ихъ части отдается дѣтямъ умершаго, а $\frac{2}{3}$ отдаются въ домъ справедливости—беить-адлье. По этому распредѣленію, не смотря на всѣ его подробности, неясно, однако, какъ выдается наслѣдство, если жена не одна. Затѣмъ изъ этого распредѣленія слѣдуетъ, что если у имущества покойнаго будетъ единственный наслѣдникъ (сынъ или дочь), то и тогда къ нему перейдетъ менѣе половины наслѣдства. Обогатится беить-адлье. Это учрежденіе представляетъ собою организацію изъ выбранныхъ наиболѣе почтенныхъ 10—20 лицъ, вѣдущихъ судомъ, дѣлами общины и воспитаніемъ сиротъ и бѣдныхъ дѣтей, каковое воспитаніе составляетъ предметъ общественной заботы. Дозволяются браки между лицами различныхъ національностей. Рабство и торговля рабами сурово осуждается. Теорія братства народовъ привела къ признанію необходимости изученія новыхъ языковъ. Таже теорія заставила отвергнуть священную войну. Строго регламентируя семейное, общественное, вещное право, вопросъ о государственномъ строѣ бабизмъ рѣшаетъ такъ, что бабиды должны повиноваться законамъ той страны, въ которой живутъ. Особенно въ этомъ отношеніи поучительны разсужденія нынѣшняго главы бабизма Аббаса, въ своихъ письмахъ о политикѣ, какъ руководственныхъ начала, онъ цитируетъ слова Писанія: „отдавайте Кесарево кесарю и Божіе Богу“ (Лк. 20, 25) и „прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ человѣковъ, за царей и за всѣхъ начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ“ (1 Тим. 2, 1—2). Понятно, что разъ вожди бабизма хорошо знакомы съ христіанскимъ Священнымъ Писаніемъ, то на ихъ нравоченіи долженъ былъ отразиться духъ этого Писанія. Бабизмъ, рекомендуя гуманныя и благородныя правила, запрещаетъ ложь, лесть, цѣлованіе руки у духовныхъ лицъ. Но въ рядъ такихъ постановленій врываються иныя совсѣмъ иного духа и характера: не одобряются безбрачіе и аскетизмъ, дозволяется *такіе*—лицемѣрное отреченіе отъ своей вѣры.

Культъ бабизма представляетъ въ общемъ несущественныя отступленія отъ традиціоннаго культа мусульманъ. По самымъ своимъ принципамъ бабизмъ не допускаетъ рѣзко

подчеркивать свое отличіе отъ другихъ. Такъ Беха, представляя бабидамъ полную свободу въ одеждѣ и вообще внѣшности, рекомендовалъ имъ не служить посмѣшищемъ для глупцовъ. Но для глупцовъ служить посмѣшищемъ всякій, кто по внѣшности не походитъ на нихъ; мораль отсюда понятна: нужно приспособляться къ глупцамъ. Какъ и у всѣхъ мусульманъ, у бабидовъ существуетъ обрѣзаніе. Въ-сто пяти ежедневныхъ намазовъ у нихъ предлагается три. Ихъ кебла есть Акка, мѣсто изъ котораго Беха былъ лишенъ права выѣзда и которое поѣтому онъ называлъ своей тюрьмой. Вотъ—главная бабидская молитва. „Я исповѣдую, Боже, что Ты открылъ мнѣ солнце истины; я свидѣтельствую, что нѣтъ никакой иной истины кромѣ той, которую Ты мнѣ открылъ. Я исповѣдую, что никто не можетъ ни восхвалить Тебя, ни представить. Боже, не отвергни чело-вѣка, упованія котораго прилѣпляются къ Твоему лону“. Общественная молитва совершается или въ бабидскихъ мечетяхъ—макрикъ-уль-Ацкеръ—востокъ молитвъ или въ частныхъ домахъ. Собравшись на молитву, бабиды садятся и громко совершаютъ короткое моленіе, поютъ религіозные гимны по персидски, арабски, турецки, читаютъ произведенія баба или Бехи, точно также Библию и коранъ и пытаются ихъ истолковывать. Съ молитвою у нихъ соединяются чай, кофе и кальянъ. Важныя событія жизни тоже, понятно, освящаются молитвою. Такъ черезъ 6 или 7 дней послѣ рожденія новорожденному на ухо прочитываютъ короткую молитву и призываютъ на него благословеніе Божіе. Умершаго обмываютъ, совершаютъ молитвы, обертываютъ въ 6 кусковъ полотна или шелка и заключаютъ въ деревянный, каменный или стеклянный гробъ. Шелкъ и стекло считаются заслуживающими предпочтеніе. Паломничество по представленіямъ бабизма можетъ быть замѣняемо пожертвованіями въ бейтъ-адлье. Посту у бабидовъ посвящаютъ 19 дней девятнадцатаго мѣсяца. Какъ и рамазанъ, онъ состоитъ въ неупотребленіи пищи и питья лишь днемъ, ночью разрѣшается все. Указываютъ, что бабиды не допускаютъ этими ночами такихъ излишествъ, какъ мусульмане. Но это зависитъ отъ того, каковы мусульмане и бабиды, среди тѣхъ и другихъ могутъ быть и хорошіе и плохіе. Христіанскій элементъ существовалъ въ мусульманствѣ изначала, въ ба-

бизмъ онъ возшелъ въ большей степени, чѣмъ въ коранъ. Моисей, Иисусъ и Магометъ—три пророка, въ которыхъ прежде долженъ повѣрить бабидъ, чѣмъ повѣритъ онъ въ баба или беху. Пророки считаются какъ бы равными. Идеи постепеннаго прогресса и постепеннаго тѣснѣйшаго соединенія съ Богомъ въ бабизмѣ нѣтъ. Но Иисусу Христу усвоится имя Ибнъ-Уллахъ—Сынъ Божій. Имя берется изъ Писанія, но идея имени не выяснена. Эсхатологія бабизма исчерпывается двумя положеніями: существуетъ загробная жизнь и возмездіе за дѣла совершенныя въ земной жизни. Но какъ представлять себѣ посмертную участь человѣка, каковъ ожидающій его судъ, каковы наказанія и награды? На эти вопросы ученіе бабизма даетъ уклончивые отвѣты. Какъ дитя, находясь въ лонѣ матери, не можетъ себѣ представить и понять условій своего абсолютнаго и самостоятельнаго существованія, такъ и человѣкъ въ условіяхъ земной жизни не можетъ представить себѣ, какъ онъ будетъ существовать, порвавъ съ земнымъ прахомъ. Есть въ бабизмѣ (въ коранѣ баба) темные намеки на вѣру въ переселеніе душъ.

Несомнѣнно, бабизмъ характеризуется чертою гуманности. Эта черта привлекаетъ къ нему и подкупаетъ тѣхъ, которые съ нимъ знакомятся. Но обыкновенно въ томъ, что поправилось, не хотятъ видѣть чертъ, которыя не нравятся, и нѣкоторые изслѣдователи бабизма, выдвигая на видъ его гуманный и прогрессивный характеръ, старательно замалчиваютъ его другія стороны. Эти изслѣдователи, держась раціоналистическаго направленія, стараются и бабизмъ представить какъ ученіе раціоналистической гуманности, религіозный придатокъ въ которомъ не существененъ, не играетъ роли и можетъ быть отброшенъ совсѣмъ. Это представленіе совсѣмъ не отвѣчаетъ правдѣ. Бабизмъ есть религія, онъ вышелъ изъ суфизма, его представители были мистиками, онъ признаетъ откровеніе, пророковъ, благодать и молитвы. Бабизмъ учитъ о единствѣ Божіемъ, онъ порицаетъ разсужденія о божественныхъ атрибутахъ. Бабидъ изъ Смоленска писалъ Мирзѣ-Каземъ-Беку: „знай, что начало религіи есть познаніе Бога. Совершенное познаніе Его заключается въ таухидѣ (міръ духовномъ); совершенное же ученіе о таухидѣ заключается въ изолированіи Его отъ атрибутовъ—по тому

свидѣтельству, что всякій атрибутъ составляетъ идею внѣ описываемаго предмета. Итакъ, кто приписываетъ Богу какіе-либо атрибуты (внѣ Его), тотъ ограничиваетъ Его, такъ какъ тотъ считаетъ Его, а кто считаетъ Его, тотъ говоритъ противъ Его предвѣчнаго единства. Но святы Господь выше всего того, что говорятъ грѣшники“. Здѣсь проповѣдуется единство Божіе, какъ и въ ученіи мутазилитовъ, но его диктуютъ не рационалистическія соображенія, а мистическая настроенность. О себѣ этотъ бабидъ писалъ слѣдующее: „Двадцать пять лѣтъ тому назадъ сей автоматъ (его физическое существо) также бродилъ въ степи заблужденія и неизвѣстности, происходившихъ отъ множества разногласій и несообразностей въ наружныхъ формахъ религіи и исповѣданій. Не могъ бы я ухватиться за что - нибудь и выйти изъ отчаяннаго положенія, если бы не милости путеvodителя несчастныхъ заблудшихъ (Бога). По своей благодати онъ надѣлилъ мою земную жизнь изъ чаши умерщвленія (страстей) и изгналъ изъ видимаго царства плоти вліяніе внѣшняго представленія и наконецъ по своей неопикуемой милости призвалъ меня въ первобытнѣй (духовнѣй) мѣръ. Такъ онъ прервалъ мои отношенія съ мѣромъ привратныхъ (стоящихъ предъ вратами) и привелъ меня къ тому, кто пребываетъ за вратами внутри храма. Итакъ, если бы не благодать свыше, то я былъ бы первый изъ погибшихъ“. Въ другомъ письмѣ (первомъ по отношенію къ приведенному) тотъ же авторъ такъ наставляетъ своего адресата. „Мѣръ жажduщимъ лицезрѣнія Господа, ищущимъ Его. Спросилъ нѣкто о знаніи; ему отвѣчали: знаніе есть нравственное сосредоточіе въ храмѣ мудрости, нужно учиться у обильнаго мудреца; питаться по его назначенію пилюлями премудрости. Черезъ это врачеваніе перейти изъ четырехъ грубыхъ стихій въ четыре свѣтлыя и такимъ образомъ постичь ничтожество видимыхъ формъ, изолировать себя отъ ихъ представленій и соединиться съ своимъ началомъ. Для ищущихъ знанія съ духовной точки видимое разногласіе Ветхаго и Новаго Завѣта и корана непременно уничтожится; тогда они узнаютъ, что на духовныхъ небесахъ пророки и всѣ святыя суть одного начала. Въ этомъ началѣ нѣтъ различія, и различіе видимое есть только проявленіе внѣшняго мѣра. Всеблагій сотворилъ человѣка, конечно, не для знанія

только внѣшняго міра, но и для достиженія сказаннаго средоточія — истиннаго знанія. Достигая это, ты освобождаешься отъ цѣпей чуждыхъ элементовъ (физическаго міра) и созерцаешь въ себѣ великій міръ (духовный); тогда ты не видишь себя въ частности. Видимое солнце одинаково освѣщаетъ 18 тысячъ міровъ (по мусульманской системѣ міра), но въ этомъ хаосѣ кто созерцаетъ занимаемую имъ степень, тотъ пойметъ, что и онъ и весь міръ переходящи. Если онъ кинетъ взоръ на самого себя (на свою внѣшнюю форму), то увидитъ, что онъ среди восемнадцати тысячъ формъ не другое что, какъ вѣчный прахъ. Тогда-то онъ припомнитъ слова: вотъ вамъ обѣщанный адъ. Съ твоей стороны усердное изслѣдованіе (истины), а со стороны истины (Бога)—влеченіе (благодатная помощь). Миръ вамъ всѣмъ и милосердіе Бога и Его щедроты“.

Очень можетъ быть, что авторъ писемъ былъ не вполне правовѣрнымъ бабидомъ, но содержаніе его писемъ вполне гармонируетъ съ произведеніями вождей бабизма и отражаетъ въ себѣ ихъ духъ. Никакая религіозная община въ ея цѣломъ не можетъ, конечно, проникнуться такимъ мистическимъ настроеніемъ—оно удѣлъ немногихъ,—но разъ оно существуетъ и вмѣстѣ съ нимъ признаются и духовныя лица, и Священныя Писанія, и особое исповѣданіе вѣры, то ясно, что здѣсь имѣются на лицо всѣ специфическіе признаки религіи. Бабидъ при встрѣчѣ съ другимъ бабидомъ говоритъ: Аллаху-акберъ — Богъ великъ. Другой ему отвѣчаетъ: Аллаху-азамъ—Богъ всемогущъ. Привѣтствуютъ они другъ друга еще и словами: мерхебенъ-бихъ—благосостояніе тебѣ. Но эти формы привѣтствія употребляются только между бабидами, не бабидовъ ими не привѣтствуютъ. Такимъ образомъ, признавая за всѣми людьми равное право на обладаніе истиной, бабиды смотрятъ на себя, какъ на обособленную общину, содержащую истину. Бабиды не то, что мутазилиты. Они не похожи на христіанскихъ рационалистовъ въ Западной Европѣ, ни на рационалистовъ буддійскихъ далекой Японіи. Замѣчаемое у нихъ стремленіе къ свѣту, къ прогрессу не соединяется съ отрицаніемъ молитвы. Да и стремленіе къ просвѣщенію у нихъ далеко еще не перешло въ дѣйствительное просвѣщеніе. У нихъ фигурируютъ мистическіе перстни, другіе талисманы, грубая суевѣрія. Бу-

лучи явленіемъ религіознымъ, бабизмъ въ то же время представляетъ собою явленіе политическое. Недаромъ нѣкоторыя стороны гражданскаго права разработаны у него болѣе, чѣмъ собственно право религіозное. Замѣтно, бабиды непрочь произвести государственный переворотъ. Послѣдніе аресты бабидовъ въ Персіи падаютъ на іюнь текущаго 1904 г.; ихъ хотѣли связывать со слухами, кажется, оказавшимися ложными о заговорѣ на жизнь Музаффереддина и бѣгствѣ изъ Персіи одного его сына и брата Магомета-Ризы-Мирзы! Повидимому съ самого начала въ ряды бабидовъ кромѣ религіозныхъ мечтателей и идеалистовъ становились и просто честолюбцы. Это дѣлало бабизмъ менѣе чистымъ, но зато порою болѣе сильнымъ. Честолюбивые вожди для устроенія царства правды въ Персіи привлекали такія средства, какъ подкупъ, обманъ, хитрость. Идеалистически настроенные мистики не умѣютъ пользоваться такими средствами. Можно думать, что въ настоящее время община или секта бабидовъ или нѣчто гораздо большее, чѣмъ община и секта, заключаетъ въ себѣ много весьма разнородныхъ элементовъ. Они объединены между собою не тѣмъ, что утверждаютъ, а тѣмъ, что отрицаютъ. Ихъ объединяетъ недовольство существующими порядками. Музаффереддинъ обнаружилъ стремленіе къ преобразованію этихъ порядковъ и къ введенію европейскаго просвѣщенія въ Персію. Онъ самъ превосходно владѣетъ французскимъ языкомъ. По его инициативѣ въ Тавризѣ издается газета „Насыри“, проводящая идеи европейской культуры. Онъ устроилъ высшее военное училище по новому образцу, сталъ преобразовывать армію, но, повидимому, съ точки зрѣнія бабидовъ онъ всетаки недостаточно энергиченъ въ дѣлѣ введенія культурныхъ реформъ. Не дѣло того, кто пытается слѣдить за религіозною жизнію, предсказывать политическія событія, но порою можно предвидѣть религіозныя слѣдствія такихъ событій. Если какимъ бы то ни было путемъ въ Персіи явятся тѣ государственныя реформы, которыя желательны бабидамъ, то бабизмъ, потерявъ политическій смыслъ существованія, какъ религіозная община скоро распадется на нѣсколько рѣзко различающихся между собою сектъ.

Въ ряду великихъ религій исламъ хронологически занимаетъ самое послѣднее мѣсто. За шесть сотъ лѣтъ до хри-

стіанской эры возникъ буддизмъ, приблизительно къ той же эпохѣ относятся образованіе религіи Конфуція, Лаотцы, Зороастра. Черезъ шесть вѣковъ послѣ возникновенія христіанства явился исламъ. Послѣ его возникновенія уже не являлось новыхъ міровыхъ религіи. Религіозное развитіе человѣчества повидимому должно бы было идти параллельно нравственному. Совершающееся довольно послѣдовательно усовершеніе государственныхъ законовъ, социальныхъ воззрѣній и прямо моральнаго кодекса повидимому заставляеть предполагать, что исламъ морально долженъ стоять выше хронологически ему предшествовавшихъ религіи. Но изслѣдователи, даже непризнающіе истинной никакой религіи, принуждены утверждать фактъ, что исламъ въ вопросѣ о религіознонравственныхъ понятіяхъ дѣлаеть шагъ назадъ не только отъ христіанства, но и даже отъ буддизма. Были, правда, попытки поставить исламъ и выше этихъ и вообще предшествовавшихъ ему религіи. Такъ взглянулъ въ Россіи на исламъ Вильямъ Фрей (Гнейстъ), исходя изъ теоріи непознаваемаго развитой Спенсеромъ. Міръ, разсуждаеть Спенсеръ, необходимо требуетъ объясненія своего бытія. Должна существовать нѣкоторая вездѣприсущая всепроникающая сила, которая обусловливаетъ и сохраняетъ міровой строй. Чѣмъ менѣе культуренъ человѣкъ, тѣмъ ближе къ себѣ онъ предполагаетъ такую силу. Непосредственныя проявленія ея дикарь видитъ въ шелестѣ листьевъ, завываніи вѣтра, раскатахъ грома. По мѣрѣ развитія человѣка эта сила какъ бы отстуетъ отъ него. Сначала олицетвореніе этой силы отходить въ глубь лѣсовъ и рѣкъ, затѣмъ на солнце и звѣзды, затѣмъ въ особый сверхчувственный міръ, и образъ таинственной силы принимаетъ все болѣе и болѣе возвышенныя очертанія. Однако всѣ попытки приблизить къ человѣческому пониманію этотъ образъ неизмѣнно кончаются однимъ результатомъ: образъ разсѣвается и разрушается, даваемое ему опредѣленіе является *contradictio in adjecto*, таинственная сила оказывается неповѣдимой и непознаваемой. Невѣдомый богъ оказывается единственнымъ Богомъ человѣчества. Люди, хотя и не знаютъ и не могутъ постигнуть его, однако стремятся къ Нему и поскольку стремятся, постольку возвышаются надъ чувственнымъ и непосредственнымъ къ сверхчувственному и безусловному. Это разсужденіе

къ религіозной исторіи человѣчества Фрей примѣнили такимъ образомъ. Въ древнѣйшую эпоху Богъ близко мыслился къ человѣку. Въ Ветхомъ Заветѣ обыкновенно представляется Іегова Самъ непосредственно бесѣдующимъ съ своимъ народомъ и отдающимъ ему распоряженія и приказанія даже въ самыхъ незначительныхъ вещахъ. Въ Заветѣ Новомъ Богъ уже отодвигается отъ человѣчества. Между Нимъ и людьми является посредникъ—Сынъ Божій Іисусъ Христосъ. Ему еще приписываются божескія, но усвоятся уже и человѣческія качества. Исламъ представляетъ новый моментъ, когда такимъ посредникомъ является просто человѣкъ Магометъ, когда человѣчество поднялось до сознанія, что оно не можетъ непосредственно соприкасаться и входить въ общеніе съ божествомъ и божественнымъ. Эта теорія религіозной эволюціи свидѣтельствуетъ о необыкновенной скромности религіозно-философскихъ и историческихъ познаній автора, но нисколько не содѣйствуетъ пониманію положенія ислама въ ряду религій. Верховное Божество поднималось недосыгаемо надъ міромъ и въ образѣ Браны и раньше въ образѣ Ілю и гораздо позднѣе въ неоплатонической концепціи единаго. Наоборотъ, дикари, которыхъ Спенсеръ ставитъ исходною ступенью въ религіозной эволюціи, вовсе не мыслятъ Бога пребывающимъ съ ними и обращающимся съ ними запросто, около себя они предполагаютъ множество вышечеловѣческихъ существъ, отличающихся неособенно значительно отъ человѣка. Ихъ полидемонизмъ въ значительной части есть простая вѣра въ многообразіе формъ разумной жизни, съ которыми приходится считаться человѣку. Наконецъ, еслибы исламъ былъ вышнимъ моментомъ религіозной эволюціи, онъ былъ бы принятъ расами высшей культуры. Этого не случилось и не видно никакихъ признаковъ, которые давали бы основаніе для предположенія, что это можетъ случиться.

Исламъ не есть ни религія дикарей, ни религія культурныхъ расъ. Онъ поднимаетъ дикарей изъ ихъ состоянія, которое на самомъ дѣлѣ только иронически можно называть естественнымъ, но самъ въ себѣ онъ не заключаетъ стимуловъ, чтобы расы вышедшія изъ дикаго состоянія побуждать стремиться къ достиженію высшихъ ступеней развитія. Среда, въ которой распространялся исламъ въ первые вѣка

своего существованія, въ значительной части уже слышала о Христѣ и Евангелии, и исламъ предложилъ этой части вмѣсто болѣе совершеннаго менѣе совершенное. Среда, въ которой исламъ преимущественно распространяется теперь—черный африканскій материкъ—поднимается исламомъ отъ грубыхъ религіозныхъ представленій и жестокихъ формъ жизни — къ болѣе возвышенной религіи и несравненно болѣе мягкой морали. Но не только для этихъ расъ исламъ явился полезнымъ, позволительно думать, что онъ былъ благотворенъ и для тѣхъ народовъ, среди которыхъ распространялся сначала. Эти народы явно упорствовали въ усвоеніи евангельскихъ идеаловъ. Они не хотѣли смягчить свои души для воспріятія новозавѣтной благодати, въ такомъ случаѣ для нихъ было полезно иго ветхозавѣтнаго закона. Его на нихъ и возложилъ Магометъ. Въ коранѣ много ветхозавѣтнаго. И если черезъ тысячу и болѣе лѣтъ послѣ христіанскаго благовѣстія ветхій завѣтъ оказывается для многихъ удобнѣе новаго, то для насъ должно стать понятнымъ, что за полторы тѣсячи лѣтъ до Христа то, что содержится въ Моисеевомъ законѣ, должно было получить божественную санкцію, какъ наиболѣе совершенное изъ могущаго быть усвоеннымъ тогдашнимъ человѣчествомъ. Въ ветхомъ завѣтѣ есть требованія высочайшей нравственной силы (не пожелаи), но рядомъ съ ними раздаются суровыя и жестокія приказанія. Кто хочетъ осуждать ихъ, тотъ не хочетъ понимать исторію, и кто хочетъ оправдывать Магомета ссылками на Давида, тотъ забываетъ, что между ними лежитъ разстояніе болѣе чѣмъ въ полторы тѣсячи лѣтъ и что тысячелѣтія для людей не должны проходить безслѣдно.

Исламъ есть отступленіе въ сторону ветхаго завѣта въ эпоху завѣта новаго. Тѣмъ, которые не знали этихъ завѣтовъ или по крайней мѣрѣ не хотѣли ихъ знать и однако захотѣли принять исламъ, онъ во всякомъ случаѣ далъ много добраго и полезнаго. Исламъ не можетъ быть исповѣдуемъ ни расами совершенно некультурными, ни расами культурными, эта религія есть удѣлъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ ступеней развитія и несомнѣнно нѣкоторыхъ особенностей въ характерѣ націи. Распространенность ислама показываетъ, что тотъ духовный масштабъ, которому онъ удовлетворяетъ, служить мѣрою духовнаго совершенства для многихъ.

По приблизительному подсчету на землѣ теперь живутъ около 1550 милліоновъ людей. Возможна въ этой цифрѣ ошибка до 200 милліоновъ, но едвали болѣе. Число мусульманъ по различнымъ опредѣленіямъ заключается между 170 и почти 300 милліоновъ. Если взять максимальную цифру для опредѣленія числа людей и минимальную для опредѣленія числа мусульманъ, то и тогда мы получимъ, что число послѣднихъ превышаетъ одну десятую часть человѣчества и при этомъ нельзя игнорировать, что число номинальныхъ и индифферентныхъ между мусульманами меньше, чѣмъ между послѣдователями другихъ религій. Но вообще сравнительно наиболѣе повѣренныя и новѣйшія данныя назначаютъ для мусульманъ цифру болѣе чѣмъ въ 200 милліоновъ. Вотъ сравнительныя таблицы относительно распространенія ислама представленныя Фурнье-де-Фле парижскому конгрессу по исторіи религій въ 1900 году ¹⁾.

	По Фурнье.	по Revue de l' Islam 1897.	по Church Atlas 1895.	
Европа	7.600000	10.700000	5.750000	
Азія {	Малая Азія	13.000000	14.000000	160.000000
	Аравія	4.000000	12.000000	
	Средняя Азія	8.000000	12.000000	
	Русская Азія	7.000000	7.000000	
	Индія	60.000000	58.000000	
	Персія	8.000000	9.000000	
Африка {	Китай	21.000000	21.000000	40.000000
	Сѣверная Африка	25.000000	31.000000	
	Суданъ	14.000000	15.000000	
	Конго и Гвинея	20.000000	40.000000	
Южная Африка	10.000000	16.000000		
Океанія	14.000000	37.000000		
	<u>214.600000</u>	<u>282.700000</u>	<u>205.750000</u>	

Въ этихъ статистическихъ расчисленіяхъ невѣренъ итогъ только у автора доклада. Подсчетъ показываетъ, что вся сумма мусульманъ у него должна равняться 211.600000. Онъ два раза приводитъ свой расчетъ, но во второй разъ у него

¹⁾ E. Fournier de Flaix—La statistique des Religions à la fin du XIX-e siècle (Actes du premier congrès international d' histoire des Religions).

получается совершенная путаница. Обозначивъ число мусульманъ въ Европѣ 7.600000, въ Азіи—121.000000, въ Африкѣ—69.000000, онъ на мѣсто Океаніи ставитъ свой прежній итогъ 214.600000. Если пропущенное число мусульманъ Океаніи обозначить черезъ 17 милліоновъ, тогда итогъ будетъ вѣренъ. Тогда только нужно допустить опечатку (поставлено 4 вмѣсто 7) въ ранѣе приведенномъ разсчетѣ. Во всякомъ случаѣ авторитетъ приведенныхъ изданій заставляетъ думать, что число мусульманъ нужно обозначать болѣе, чѣмъ двумястами милліонами. Значитъ болѣе тринадцати процентовъ населенія земнаго шара оказывается мусульманами. Въ Россіи это процентное отношеніе нѣсколько меньше. Все населеніе Россіи приблизительно равно 130 милліонамъ. Мусульманъ въ Россіи болѣе четырнадцати милліоновъ. Такимъ образомъ они составляютъ болѣе одиннадцати процентовъ населенія. Распредѣлены они у насъ очень неравномѣрно. По статистикѣ Фурнье 7 милліоновъ мусульманъ приходится на русскую Азію, по русскимъ статистическимъ даннымъ эта цифра приходится на русскую среднюю Азію, гдѣ мусульмане составляютъ болѣе 90 процентовъ всего населенія. Кромѣ того ихъ еще болѣе ста тысячъ въ Сибири. Мусульмане составляютъ болѣе трети населенія Русскаго Кавказа, на Кавказѣ ихъ немного менѣе четырехъ милліоновъ, между тѣмъ какъ все населеніе не болѣе девяти съ половиной милліоновъ.

Это говорятъ намъ цифры. Но цифры безъ поясненій могутъ показаться неясными. Если въ какомъ-либо государствѣ одиннадцать процентовъ населенія остаются неграмотными, то мы вѣдь отлично понимаемъ, что этотъ процентъ можетъ быть уничтоженъ очень скоро, лишь только въ бюджетѣ расходовъ будетъ увеличена соответствующая статья. Неграмотность, некультурность есть нѣчто отрицательное, это—мракъ, разсвѣтъ который свѣтомъ въ извѣстныхъ случаяхъ можно за опредѣленные деньги. Религія есть сила положительная, которая можетъ бороться и съ образовательными стремленіями и съ государственными порядками. Сила религіи опредѣляется не числомъ только ея послѣдователей, но тѣмъ еще, насколько она вѣдрена и укоренена въ каждомъ изъ послѣдователей. Религія можетъ стать мертвою, можетъ оказаться аксессуаромъ въ жизни, нужду въ которомъ никто

не чувствуетъ, но который сохраняется по традиціи. Исламъ— не такая религія. Ея послѣдователи въ общемъ убѣжденные, вѣрующіе люди. Факты недавняго прошлаго и настоящаго убѣждаютъ въ этомъ.

Россіи до шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія пришлось вести упорную борьбу съ мусульманами на Кавказѣ. Русское правительство не имѣло своею задачею воздвигать гоненія на исламъ, но послѣдователи ислама признали для себя обязательнымъ во имя религіи вести *газаватъ* (священную войну) съ гяурами и во чтобы то ни стало освободиться отъ ихъ власти. Начало этому движенію положили имамъ Кази-Мулла въ 1827—1829 гг., онъ погибъ, погибъ его преемникъ по имамству Гамзанъ-Бекъ, тогда выдвинулся Шамиль, въ теченіе болѣе, чѣмъ четверти вѣка ведшій упорную борьбу съ русскими. Война съ невѣрными даетъ спасеніе души въ загробномъ мірѣ и будетъ имѣть своимъ результатомъ пріобрѣтеніе свободы и самостоятельности въ мірѣ земномъ. Таково положеніе Шамиля, и несомѣнно первое изъ нихъ одушевляло многихъ не менѣе, чѣмъ второе. Тѣмъ болѣе, что тотъ строй, который вводилъ имамъ Шамиль самъ по себѣ пожалуй, представлялъ болѣе посягательствъ на свободу, чѣмъ требованія русскаго правительства. Русское правительство въ общемъ разрѣшало жителямъ Кавказа жить и управляться по адату — обычному праву. Шамиль на мѣсто адата упорно выдвинулъ шаріатъ. Горцы распались на самостоятельныя и независимыя племена. Шамиль объединилъ ихъ и подчинилъ неограниченной власти имама, которая была признана наслѣдственной. Шамиль создалъ теократическое управленіе на Кавказѣ. Онъ раздѣлилъ его на округа, которыми управляли наибы, помощниками ихъ были мюриды — сподвижники Шамиля въ газаватѣ. При наибѣ въ каждомъ округѣ былъ судья муфтіи, который для цѣлей суда назначалъ еще кади. Теократическій строй Шамиля былъ въ то же время и беллистическимъ. Мужское населеніе почти все представляло собою армію, въ борьбѣ съ этою арміею пролилось много русской крови. Такъ, безъ всякой пользы для дѣла, при занятіи Дарго въ 1845 г. пало русскихъ 3031 человекъ. Борьба съ Шамилемъ и его приверженцами закончилась лишь въ 1859 г., когда самъ имамъ былъ захваченъ въ плѣнъ и препрово-

жденъ въ Россію. Плънь его впрочемъ былъ почетнымъ. Шамиль не хотѣлъ создать никакого новаго ученія, не давалъ новаго толкованія корана, онъ только хотѣлъ провести глубже въ жизнь и начала ислама. И то обстоятельство, что ему удалось сдѣлать многое, доказываетъ, что вѣра въ коранъ была глубока и сильна у кавказскаго мусульманскаго населенія ¹⁾.

Теперь на Руси исламъ главнымъ образомъ исповѣдуется въ Туркестанѣ. Исламъ въ этой области имѣетъ за собою давность болѣе тысячелѣтій. Здѣсь много дервишей, количество которыхъ всегда служитъ показателемъ того, насколько глубоко исламъ проникъ въ жизнь и сознаніе населенія. Наболѣе распространены ордена Накшибенди (календери) и Кадріе. Первые совершаютъ зикръ про себя (только), вторые— вслухъ. Дервиши въ Туркестанѣ называются ышанами. Конечно, для устроенія возможныхъ политическихъ движеній на религіозной подкладкѣ нужно содѣйствовать распространенію въ Туркестанѣ знаній чисто учебнаго характера о той государственной силѣ съ которой имъ приходится считаться, и о томъ, что эта сила не имѣетъ въ виду дѣлать на нихъ какія бы то ни было религіозныя посягательства. Тогда не будетъ пищи для фанатизма и для развитія вражды къ христіанской религіи, какъ такой, которую имъ хотятъ навязать насильно.

Въ настоящее время исламъ, конечно, прочень тамъ, гдѣ онъ наименѣе доступенъ европейскимъ вліяніямъ. Такою страню является Африка. Въ глубь проникаютъ лишь постепенно, съ великимъ трудомъ и ничтожными результатами. Дѣлу распространенія и возвеличенія ислама въ XIX вѣкѣ здѣсь наиболѣе послужилъ Сенусси и бенъ-Ахметъ (обоимъ принадлежитъ имя Магомета). Сейдъ Сенусси, потомокъ пророка, уроженецъ Алжира, въ 1835 г. въ Меккѣ началъ проповѣдывать, призывая мусульманъ къ борьбѣ противъ гяуровъ. Но Мекка слишкомъ доступна для гяуровъ, чтобы подобная проповѣдь могла имѣть успѣхъ. Сенусси перенесъ свою дѣятельность на Сѣверъ Африки. Его проповѣдь призывала мусульманъ повторить исторію — возстановить могущество и славу ислама. Всѣми мусульманами долженъ управлять верховный имамъ. Таковымъ, понятно, сталъ Се-

¹⁾ О борьбѣ Шамиля см. *Дубровина*—Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ (6-ой томъ).

нусси. Правовѣрные должны жить согласно корану, быть воздержными, избѣгать роскоши, готовиться къ борьбѣ съ невѣрными. Резиденціей главы сенусситовъ является теперь дзауйя Джербубъ въ оазисѣ Сивахъ (оазисъ Амона) въ Ливійской пустынѣ. Проникнуть сюда очень трудно, а дѣйствовать отсюда очень удобно. Сынъ Сенусси принялъ имя Махди. Его миссія считается божественной, онъ надѣленъ сверхъестественными дарованіями, силой чудотвореній, находится въ постоянномъ общеніи съ Аллахомъ черезъ посредство Магомета. Пропаганда изъ Джербуба идетъ по всему мусульманскому міру. Сенусситскіе апостолы приходили и въ Туркестанъ и въ Крымъ сообщить правовѣрнымъ, что на сѣверѣ Африки живетъ величайшій пророкъ, глава ислама, который въ имѣющемъ скоро наступить благовременіи выйдетъ изъ своего уединенія, чтобы покорить міръ исламу. Но пока онъ еще не вышелъ изъ Джербуба. Между тѣмъ въ Суданѣ съ великимъ успѣхомъ началъ дѣло пропаганды ислама другой вождь Магометъ бенъ-Ахметъ. Онъ происходитъ не отъ Магомета, какъ родъ Сенусси, онъ сынъ простого плотника, родился въ 1843 г. Своимъ глубокимъ благочестіемъ и аскетическими подвигами онъ рано стяжалъ себѣ извѣстность, какъ человѣкъ святой и избранный Богомъ. Въ Суданѣ стало распространяться европейское (англійское) вліяніе. Особенно надъ дѣломъ европеизаціи Судана старался Гордонъ. Бенъ-Ахметъ былъ выбранъ правовѣрными вождемъ, чтобы бороться съ этимъ вліяніемъ. Въ немъ признали махди—человѣка, который своею справедливостію наполнить весь міръ, погрязшій теперь въ безднѣ беззаконія. Бенъ-Ахметъ-махди, Гордонъ-деджаль (мусульманскій антихристъ). Махди поднялъ возстаніе и велъ его съ великимъ успѣхомъ. Гордонъ погибъ. Въ Каирѣ при мечети Азгаръ есть учрежденіе, которое называютъ всемусульманскимъ университетомъ. Эта школа основана въ 990 г. по Р. Х. Отсюда въ средніе вѣка вышли многіе богословы и философы ислама. Сюда и теперь стекаются ищущіе богословскаго познанія мусульмане со всего стараго свѣта. Число слушателей въ школахъ достигаетъ до 10,000¹⁾. Профессоры этого мусульманскаго уни-

¹⁾ О школахъ въ Азгарѣ см. *Крымскаго и Миллера* — Всемусульманскій университетъ.... (Древности восточныя. 1903 г. Томъ второй. Выпускъ третій. Москва).

верситета сначала было отвергли божественное достоинство суданскаго махди, но потомъ стали менѣе рѣшительно высказываться о немъ, а потомъ слышались у нихъ и двухсмысленныя, а порою и недвухсмысленныя рѣчи въ его пользу. Бенъ-Ахметъ умеръ отъ оспы въ 1885 г. Но у него, какъ у Сенусси, явился преемникъ. Замѣчательно, что сенусситы вовсе не видятъ въ суданскомъ пророкѣ соперника ихъ вождю. Напротивъ, они сочувственно относятся къ возникшему движенію въ Суданѣ. Резиденціей суданскаго махди служить теперь Хартумъ, а еще болѣе эль-Обендъ—пунктъ, проникнуть въ который чрезвычайно трудно. И несомнѣнно, что между Хартумомъ и эль-Обендомъ съ одной стороны и Джербубомъ — съ другою поддерживаются дружественныя сношенія. У владыки Джербуба могутъ быть нѣкоторыя основанія надѣяться, что впоследствии онъ пожветъ плоды трудовъ владыки Хартума. Но послѣдній привелъ къ своей власти обширную территорию, представляющую треугольное пространство, ограничиваемое на сѣверѣ по линіи идущей отъ Суакима къ озеру Чадъ, далѣе—по линіи идущей въ югозападномъ направленіи по линіи отъ Чадъ къ озеру Викторія - Ньясса и на востокъ ограничиваемой линіей идущей отъ озера Викторія къ Суакиму (христіанская Абиссинія остается къ востоку отъ его владѣній). Страну эту защищаютъ отъ европейцевъ не столько воинственное населеніе, сколько ея непроходимость и нездоровый климатъ, которыхъ нельзя побѣдить ни шести, ни двѣнадцати дюймовыми орудіями ¹⁾.

Въ Азій Турція, Персія, Афганистанъ, Белуджистанъ и Индія заключаютъ въ себѣ много ревностныхъ послѣдователей ислама. Такимъ образомъ исламъ является въ настоящее время и широко распространенной и обладающей еще большою жизненностію религіей.

Въ какихъ отношеніяхъ стоитъ эта религія къ тѣмъ жизненнымъ идеаламъ, которыми руководятся наиболѣе культурные представители челоѣчества?

Сужденія объ исламѣ различны. Въ представленіи культурныхъ людей, обычно очень смутно знакомыхъ съ исла-

---

¹⁾ О мусульманскомъ движеніи въ Африкѣ см. Елисеѣва — Махди Судана и царство дервишей. Русское Обозрѣвіе 1892, т. 1.

момъ, исламъ является религіей фанатизма, полигаміи, освящающей насиліе и произволъ властей, вообще религіей несовмѣстимой съ соціальными и моральными требованіями современнаго міра. Исламъ по этимъ воззрѣніямъ несовмѣстимъ ни съ наукой, ни съ прогрессивными движеніями. Эти взгляды нельзя признать справедливыми. Уже Ренанъ опровергалъ ихъ, хотя и довольно неустойчиво. Не такъ давно реабилитацию ислама принялъ на себя Лейтнеръ въ лекціи „магометанство“. Лекція главнымъ образомъ посвящена защитѣ весьма рискованнаго и сомнительнаго тезиса, что будто бы Магометъ набиралъ себѣ женъ, руководясь исключительно самыми идеальными соображеніями о благѣ этихъ своихъ супруговъ и вовсе не имѣя въ виду блага личнаго ¹⁾. Въ Россіи защиту прогрессивнаго характера ислама принялъ на себя петербургскій мулла Баязитовъ. Безспорно должно признать, что исламъ можетъ быть совмѣщенъ съ нравственными воззрѣніями и пониманіемъ самыхъ либеральныхъ нашихъ современниковъ. Исламъ вовсе не освящаетъ непременно деспотическаго государственнаго строя, его принципы совмѣстимы съ какимъ угодно государственнымъ правленіемъ. А его нравственныя требованія сами по себѣ таковы, что осуществленіе ихъ при всякомъ государственномъ строѣ дастъ благополучіе жителямъ той страны, гдѣ они приняты. Нужно заботиться о нищихъ, обильно помогать бѣднымъ своей страны, быть добрымъ, немстительнымъ, воздержнымъ. Самая теорія, что женщина ниже мужчины, какъ было указано, обращается въ пользу женщины. Ниже, значить слабѣе, а за слабѣйшими нужно больше ухаживать и больше имъ прощать. Многоженство не есть заповѣдь ислама, это есть только допущеніе оговоренное: „если вы боитесь быть несправедливыми къ сиротамъ, не женитесь изъ женщинъ, которыя вамъ нравятся, болѣе какъ на трехъ и четырехъ. Если всетаки боитесь быть несправедливыми, на одной или на невольницѣ“ (сур. 4, 3). Но на самомъ дѣлѣ справедливымъ къ нѣсколькимъ женамъ быть нельзя и потому можно сказать, скрыто въ коранѣ проповѣдуется единобрачіе. Нельзя оспаривать и того, что отступле-

---

¹⁾ Лейтнеръ—Магометанство (Религіозныя вѣрованія... перев. Тимирязева).

нія въ пользу многобрачія имѣютъ для себя въ коранѣ гуманнѣе мотивы. Новорожденныхъ дѣвочекъ убивали. Вдовамъ, женщинамъ—сиротамъ порою было совершенно некуда дѣваться, роль второстепенныхъ супруговъ всетаки привлекаетельнѣе, чѣмъ участь рабыни или смерть. Давая возможность многимъ стать женами, исламъ тѣмъ самымъ многихъ избавлялъ отъ смерти и участи рабынь. Но при лучшихъ социальныхъ условіяхъ исламъ въ полномъ согласіи съ буквою корана можетъ рѣшительно запретить многоженство, какъ допущенное условно и по печальнымъ обстоятельствамъ жизни. Исламъ заключаетъ въ себѣ все для того, чтобы признать равенство расъ, націй, сословіи и половъ. А фактъ неравенства по принципу корана можетъ быть представляющему отзвукъ наставленія Евангелія налагаетъ большія обязанности на того, кто выше, а не на того, кто ниже. Культура ислама не заключаетъ въ себѣ никакихъ суевѣрныхъ или жестокихъ обычаевъ (не говоримъ о практическихъ отступленіяхъ отъ этого культа и объ особенностяхъ въ немъ среди разныхъ сектъ), онъ простъ и сводится въ сущности къ молитвѣ къ Богу.

Совмѣстимъ ли исламъ съ наукою? Безъ сомнѣнія, да. Нельзя указать никакой научной теоріи, которая бы стояла въ противорѣчій съ обязательнымъ исповѣданіемъ вѣры мусульманъ. Всѣ представленія корана о происхожденіи міра, человѣчества, судьбѣ человѣчества, послѣднемъ концѣ можно толковать очень различнымъ образомъ. Можно признавать въ нихъ аллегорію, допустимо разсматривать ихъ, какъ не имѣющія отношенія къ религіи. Догматы ислама въ концѣ концовъ сводятся къ формулѣ: Аллахъ есть Богъ и Магометъ пророкъ Его. Но что Богъ есть Богъ, противъ этого никто не станетъ спорить. Неособенно трудно согласиться и съ признаніемъ Магомета пророкомъ. Что такое пророкъ? Можно различно отвѣчать на этотъ вопросъ, подъ пророкомъ можно разумѣть и разумѣли многіе не человѣка надѣленного небесною волею, высшими силами, а человѣка понявшаго небесную волю лучше, чѣмъ другіе. Лѣтъ десять съ чѣмъ то назадъ Левъ Толстой назвалъ пророкомъ Александра Дюма за одну его статью. Но позволительно думать, что Магометъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ этого имени больше, чѣмъ бульварный французскій писатель. Такимъ образомъ един-

ственный! догматъ ислама оказывается не стоящимъ ни въ какомъ противорѣчїи съ наукой и устраняющей повидимому возможность столкновенїи съ ней въ будущемъ. Оказывается, что исламъ съ самаго начала достигъ того, къ чему теперь стремятся нѣкоторые христіанскіе богословы— дать возможно болѣе удобопріемлемую формулу соглашенїа, — есть Богъ и Иисусъ Его пророкъ, при чемъ представляется возможность слову пророкъ сообщать широко рационалистическій смыслъ. Если всю вѣру заключить въ такіе краткіе и эластичные символы, то очевидно, можно одновременно быть и христіаниномъ и мусульманиномъ. Однако логичнѣе быть мусульманиномъ, чѣмъ такими христіанами, какъ покойный Ренанъ, нынѣ живущїй Альбертъ Ревиль, Левъ Толстой. Дѣло въ томъ, что несомнѣнно историческое христіанство является предъ нами, какъ сложная догматическая система, которую названные и единомышленныя имъ мыслители не принимаютъ. Отказываясь принять это историческое наслѣдіе христіанской церкви, они тѣмъ самымъ, думается, лишаютъ себя права именоваться христіанами. Но исламъ они принять бы могли вполне. Въ коранѣ нѣтъ никакихъ догматовъ, подобные которымъ несомнѣнно содержатся въ Новомъ Завѣтѣ. У Ренана въ его трактатахъ отмѣчается, что между современными научными воззрѣніями и кораномъ гораздо легче возможно соглашенїе, чѣмъ между ними и Библией. Принимающіе исламъ не принимаютъ въ качествѣ историческаго наслѣдіа никакой системы догматовъ.

Думается, что тѣмъ, которые, желая оставаться христіанами, пытаются бороться противъ догматизма христіанства, слѣдовало бы поразмыслить надъ значенїемъ бездогматизма ислама. Догматъ есть формула объединенїа. Чѣмъ менѣе такихъ формулъ заключаетъ религія и чѣмъ болѣе обще ихъ содержанїе, тѣмъ болѣе возможно объединенїе. Но какой смыслъ этого объединенїа? Если при такомъ объединенїи возможны различныя взгляды на міръ, на процессъ міровой жизни, его окончательный исходъ, на наше участїе въ этомъ процессѣ, если при этомъ объединенїи у меня съ людьми одной мнѣ вѣры различныя взгляды на цѣли, которыя я долженъ преслѣдовать, и на средства, которыми я долженъ ихъ достигать, то въ чемъ же наше объединенїе? Объединяютъ людей цѣли и принципы, опредѣляющіе цѣли,

т. е. догматы и опредѣляемая ими дѣятельность. Чѣмъ больше догматовъ исповѣдуетъ извѣстное общество, тѣмъ должно быть тѣснѣе его единеніе. Идеаль всякой науки, положимъ, физики состоитъ въ томъ, чтобы дать возможно полное ученіе о своемъ предметѣ и возможно безспорное. Чѣмъ больше будетъ догматовъ въ физикѣ, исторіи, тѣмъ лучше для человѣчества. Догматы—это идеалы, къ которымъ нужно стремиться, а не пугала, отъ которыхъ нужно бѣжать. Конечно, догматы для того, чтобы быть желательными, должны быть истинными. Пусть изслѣдуютъ истинность догматовъ. Но аргюи ратовать противъ догматизма, какъ это дѣлается многими писателями и на Руси, то же самое, что ратовать противъ всякихъ научныхъ пріобрѣтеній. Говорятъ, догматы стѣсняютъ свободу мысли, но то же самое можно сказать о всякой истинѣ. Развѣ положеніе: сила свѣта обратно пропорціонально квадрату разстоянія не стѣсняетъ свободы мысли? Мысль хотѣла бы предположить простую пропорціональность или придумать что-либо еще, но формула физики совершенно уничтожаетъ имѣвшуюся раньше въ ея распоряженіи безконечную сферу предположеній. Въ этомъ смыслѣ всякій фактъ, всякое открытіе стѣсняетъ свободу мысли, потому что дѣлаютъ невозможными множество предположеній. Но на самомъ дѣлѣ у людей разумныхъ они не стѣсняютъ мысли, а даютъ мысли основанія для новыхъ и правильныхъ выводовъ. Таково теоретическое значеніе догматовъ. Если они истинны, они плодотворны. Если они ложны, то какъ и ложныя научныя теоріи и ошибочно понятые факты, они приведутъ къ новымъ заблужденіямъ и ошибкамъ. Бездогматизмъ есть безсодержательность. Онъ невреденъ, потому что небытіе не можетъ быть вреднымъ. бездогматизмъ есть проповѣдь незнанія, но человѣчество ищетъ знанія, ищетъ истины.

И въ исламѣ исторически объединяло людей не отсутствіе догматовъ, а какое-либо единство—культы, традиціонныхъ формъ жизни, единство ненависти ко врагамъ, единство благочестивой настроенности. И такъ какъ цѣли были частныя и настроенности субъективныя, то подъ общимъ именемъ ислама и существовали и будутъ существовать исповѣданія взаимно отрицающія одно другое. Тоже самое, скажутъ, существуетъ и въ другихъ религіяхъ, то же самое

существуетъ и въ христіанствѣ. Пусть это такъ. Но этого не должно быть. Различіе мнѣній относительно истины показываетъ, что истина не стала общимъ достояніемъ. Но изъ этого нельзя дѣлать вывода, что ни одно мнѣніе не истина. Изъ множества исповѣданій христіанскихъ одно можетъ оказаться истиннымъ. Тогда наука будетъ постольку истинной, поскольку она будетъ въ согласіи съ этимъ исповѣданіемъ. По отношенію къ исламу тѣ, которые ратуютъ за его возможность существованія совмѣстно съ наукой, на самомъ дѣлѣ совершенно не допускаютъ мысли, что наукѣ нужно считаться съ какими-то принципами ислама, они просто разумѣютъ, что его сфера—внѣ науки. Исламъ, какъ теорія, совмѣстимъ съ наукой, потому что онъ, какъ теорія, есть ничто. Культурные покровители ислама—опасные люди, они готовы одобрить исламъ, готовы порою отдать ему предпочтеніе предъ христіанствомъ. Но какъ? Да такъ, какъ предпочитаютъ незнанію заблужденію, нуль—отрицательной величинѣ. Истинные сторонники ислама, дѣйствительные почитатели корана, считающіе Магомета пророкомъ, получавшимъ божественныя откровенія, не могутъ удовлетвориться такою оцѣнкою ихъ религіи.

Какъ на самомъ дѣлѣ слѣдуетъ оцѣнивать исламъ ¹⁾?

Безъ сомнѣнія, при сужденіи о немъ нужно различать мораль корана и мораль его послѣдователей. Евангеліе неотвѣтственно за плеть и кнутъ, употреблявшіеся у христіанскихъ народовъ, такъ и коранъ неотвѣтствененъ за многое практикующееся у мусульманъ. Что мораль корана неизмѣримо ниже евангельской, этого не нужно доказывать; это всемы покажетъ просвѣщеніе, о распространеніи каковаго и нужно заботиться. Чтеніе корана можетъ доставлять религіозное утѣшеніе человѣку лишь неподнявшемуся до извѣстныхъ стадій развитія. Чтеніе Евангелія тѣмъ болѣе назидаетъ и умиляетъ душу, чѣмъ выше умственно и нравственно развитъ человѣкъ. Было бы однако жестоко при неумѣннн привлечь къ Евангелію отталкивать людей отъ ко-

---

¹⁾ Сравни. *Остроумова*—Коранъ и прогрессъ, протоіер. *Аквилонова* — 0 Божественности христіанства и его превосходствъ надъ буддизмомъ и махаммеданствомъ, *Ласкьева*—Исламъ въ его полемикѣ съ христіанствомъ (Странникъ 1904 г.).

рана. Коранъ во всякомъ случаѣ содѣйствовалъ благоороженію человѣчества и практически оно еще далеко не поднялось до морали корана. Коранъ заслуживаетъ болѣе упрека за свое богословіе, чѣмъ за свою мораль. Во имя религіозно-благочестивыхъ мотивовъ возвышая Бога, коранъ черезмѣрно унижилъ человѣка, его нравственное достоинство сводится къ нулю, въ коранѣ нѣтъ идеи человѣческаго богоподобія и возможности тѣснѣйшаго богообщенія. Между тѣмъ человѣкъ тяготеетъ къ Безконечному и только во внутреннемъ интимномъ единеніи съ Безконечнымъ онъ можетъ найти свое блаженство. Человѣку недостаточно, чтобы Богъ осыпалъ его своимъ милостями; для того, чтобы быть блаженнымъ, ему нужно быть въ Богѣ. Христіанское ученіе общаетъ это вѣрнымъ, оно говоритъ о боговоплощеніи, христіанская религія приобщаетъ Богу въ своемъ культѣ и общаетъ въ грядущемъ вѣчное единеніе съ Богомъ. Коранъ не знаетъ ничего этого. Но если въ сферѣ нравственной мусульмане ниже корана, то въ сферѣ религіозной, начиная съ Магомета, нерѣдко оказываются выше его: молитва, культъ у нихъ оказываются развитыми. Въ суфизмѣ и институтахъ дервишей исламъ въ противоположность деистической (обособленности человѣка отъ Бога) впадаетъ въ крайность пантеистическую (теорію отождествленія человѣка съ Богомъ).

Какая судьба ждетъ исламъ въ будущемъ?

Никто не знаетъ этого въ настоящее время, но конечно каждый христіанинъ долженъ желать, чтобы народы исповѣдующіе исламъ приняли христіанство. Каждый честный человѣкъ убѣжденный, что онъ пребываетъ въ истинѣ, долженъ желать и стремиться, чтобы и другіе узнали эту истину. Какъ достигнуть этого въ области религіи, какъ убѣдить въ превосходствѣ христіанства надъ исламомъ? Есть для этого могучее миссіонерское средство у христіанъ—жизнь согласная съ требованіями христіанства. Для того, чтобы хорошо, т. е. съ успѣхомъ проповѣдывать о христіанствѣ, христіане должны хорошо жить. Исполненіе одного этого требованія сдѣлаетъ невужными всѣ гомилетическія и миссіонерскія теоріи.

С. Глаголевъ.